

КОННИГГУЛЬДЕН

ЗАЩИТНИК

ИСТОРИЯ ПРИНАДЛЕЖИТ
ХРАБРЕЙШИМ!

The Big Book. Исторический роман

Конн Иггульден

Защитник

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Иггульден К.

Защитник / К. Иггульден — «Азбука-Аттикус», 2021 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-22337-0

Выполняя волю отца, великого Дария, Ксеркс собрал огромную армию и вторгся в Грецию, чтобы сокрушить Афины. И вот он уже стоит посреди дымящихся руин этого символа свободы Древнего мира. Афиняне укрылись на острове Саламин, и все их надежды связаны с греческим флотом, созданным Фемистоклом. Силы неравны, победа на суше невозможна, флот заперт в узком проливе. И Фемистокл идет на хитрость, поставив на кон все: и свою жизнь, и свое славное имя. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22337-0

© Иггульден К., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Конн Иггульден

Защитник

Conn Iggulden

PROTECTOR

Copyright © Conn Iggulden, 2021

All rights reserved

Карты выполнены Юлией Каташинской

© С. Н. Самуйлов, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Конн Иггульден – английский писатель, автор исторических бестселлеров и детских книг. Он родился в 1971 году, учился в двух престижных частных школах и Лондонском университете, семь лет преподавал английский язык, а затем полностью посвятил себя литературной работе. Любовь к истории, по словам Конна, досталась ему от матери-ирландки, а к литературе вообще – от прадеда-шончая, традиционного гэльского рассказчика, и от отца, ценителя добротных стихов и прозы, летавшего во Вторую мировую на бомбардировщике, а затем преподававшего математику и естественные науки. Писательскую славу Конну Иггульдену принесли циклы романов о Юлии Цезаре и Чингисхане.

* * *

В эпично-историческом жанре Иггульден всегда на высоте
The Daily Mirror

Он вдохнул новую жизнь в эту мрачную и полную драматизма эпоху.
Star

Любители истории Древнего мира получают наслаждение от этой
увлекательной книги.
Booklist

Конн Иггульден – грандиозный рассказчик.
USA Today

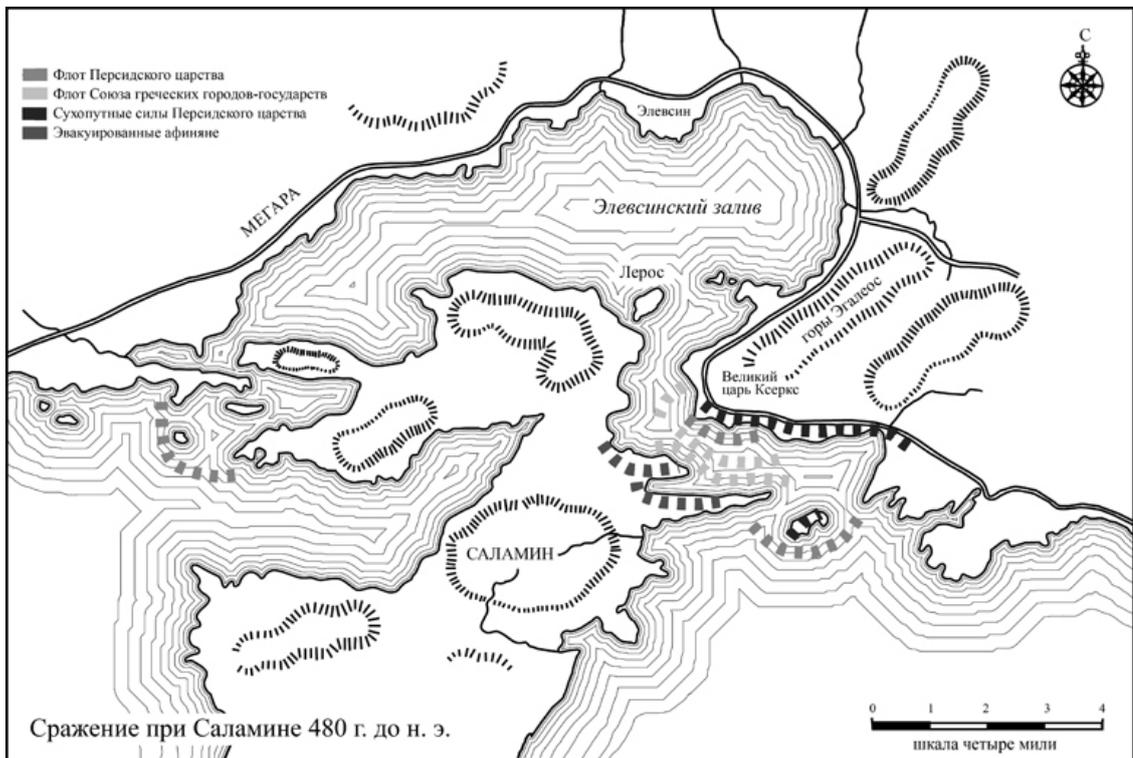
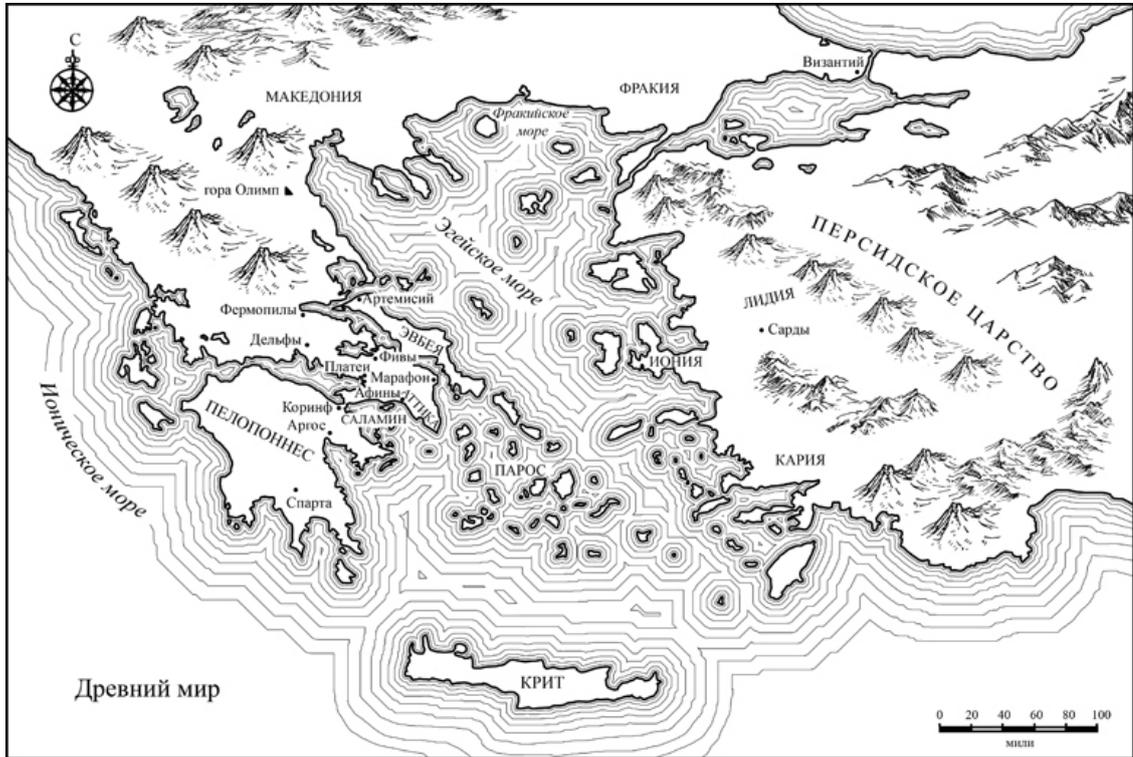
Иггульден пишет с размахом и достоверностью.
The Christian Science Monitor

Стиль Иггульдена богат и легок для восприятия... Глубоко
проработанный, незабываемый портрет героя.
BookReporter

* * *

Преподобным сестрам Андреа Макичин и Морейд Моран – моим поводырям в диких дебрях

* * *

Часть первая

*Нет и не будет меж львов и людей никакого союза;
Волки и агнцы не могут дружитья согласием
сердца.*

*Гомер. Илиада
(Перевод Н. Гнедича)*

Глава 1

Царь Персии окинул взглядом сердце Афин.

Солнце припекало затылок, но жару умерял ветерок, теплый и мягкий, со сладковатым запахом гнили и моря. Ксеркс закрыл глаза и вздохнул, наслаждаясь ощущением покоя. Огромный рынок, храмы, жилые дома, мастерские и таверны – везде пусто, все заброшено. В этом было что-то интимное, как будто он сидел за туалетным столиком женщины и, открывая ящички, узнавал ее секреты.

Здесь сновали только его воины, и они уже обыскали весь город, прошли от края до края, проверили каждый склад, каждую лавку, заглянули в каждый дом. Никого, если не считать нескольких выживших из ума стариков, брошенных своими семьями. Беззубые и слепые, они шамкали, кряхтели и недоверчиво посмеивались, слыша незнакомо звучащие голоса персов. Никакой надобности в них не было, и их быстро убили, как бездомных собак, – а это почти милосердие.

Следом за великим царем, отстав на три шага и предаваясь размышлениям, трусил Мардоний. Войдя в Афины, и Ксеркс, и его главный военачальник испытали удивительное чувство узнавания. Примечательные места, упомянутые в сотнях докладов и рассказов, всплыли в памяти и стали вдруг реальностью.

По левую руку грозно высился Акрополь – известняковая скала, страж города. Белел каменистый Ареопаг, где столетиями заседал совет афинской знати. Впереди виднелся холм Пникс, с вытянувшимися, словно клинки, деревьями и потертыми ступенями по обе стороны. В обычные времена здесь устраивались знаменитые собрания, где спорили и соглашались афиняне, не признававшие ни царей, ни тиранов.

Ксеркс подумал, что хотел бы увидеть их, этих людишек, занятых своими мелкими законами. Но в этот день здесь гулял лишь ветерок. Жители Афин ушли в порт, и корабли уже перевезли их через глубокий пролив. Не желая терпеть грабежи и насилие или, иными словами, не желая принять тяжесть последствий своего высокомерия, они бежали прочь.

Великий царь шел по улицам мимо распахнутых настежь дверей, и каждый звук отдавался эхом. Ни одной живой души, не считая греющихся на крышах кошек и застывших в карауле «бессмертных» в длинных стеганых халатах поверх чешуйчатых доспехов. Неподвижные, со смазанными жиром бородами, блестящими на солнце и завитыми колечками, они походили на статуи.

Ксеркс любил «бессмертных» не меньше, чем любил их его отец Дарий, – как родных детей или лучших охотничьих собак. Они были щитом и украшением его царствования. Половину этого избранного войска изрубили при Фермопилах спартанцы, мясники в красных плащах. «Бессмертные» до сих пор не оправались от полученного удара, хотя тот горный проход они все-таки открыли. Ксеркс решил отметить только эту последнюю победу, сохранив

их в качестве личной охраны, почтив своим благословением. Оставшиеся в строю пять тысяч вышли из той битвы живыми – и, несмотря ни на что, окрепшими, потому что они видели, как полегли последние спартанцы. Там, в Фермопилах, «бессмертные» не сломались. И все же... Раньше они считали себя непобедимыми. Раньше они знали, что равных им нет. От Ксеркса не укрылось, как потрясло их случившееся. Они не верили своим глазам. Спартанцы заставили их почувствовать себя уязвимыми и беспомощными.

Поначалу Ксеркс подумывал вывести их из авангарда и дать отдохнуть. Но командир «бессмертных» Гидарнес – бык, а не человек! – грохнулся перед царем на землю и, уткнувшись лицом в грязь, умолял не делать этого. Им нужно работать и нельзя бездельничать, потому что, если предоставить им время на раздумья, они загноятся, как тяжелая рана. Ксеркс, поразмыслив, согласился. Честь не оказывают. Ее добывают самопожертвованием и тяжелой, верной службой.

В конце улицы, где стояли без присмотра гончарные круги, свет вдруг изменился, сделался легким и воздушным. Царь вышел на знаменитую рыночную площадь – агору. Здесь стояли статуи десяти греческих фил – племен, и надписи на каменных плитах надлежало читать вслух. Подходить ближе он не стал, но представил, что по крайней мере некоторые греки предупреждали о его приближении. Эта мысль приятно пощекотала гордость царственной особы.

Неподвижную тишину прорезал пронзительный крик ястреба, и Ксеркс посмотрел вверх. Птица кружила над городом, высматривая добычу. В другой день ее крик остался бы незамеченным, затерявшись в суете и шуме. Сейчас же впечатление было такое, словно хищник сидит на вершине горы, и поэтому все работы внизу прекратились.

«Вот оно, одно из чудес войны, – подумал царь, – то, чего никогда не узнают простые люди».

– Я поклялся, что буду стоять здесь, Мардоний, – негромко произнес Ксеркс.

Полководец, зная, что ответ неуместен, молча кивнул.

– Я сказал отцу, что закончу начатое им и приведу армию на это самое место. Я поклялся, что накажу афинян за оскорбление наших послов, за отказ дать землю и воду. Мой отец предлагал им поклониться колени, и каждый раз они отвергали мир. Так что нам не оставили выбора. И все-таки... быть здесь...

Он покачал головой, и Мардоний, понимая чувства повелителя, улыбнулся. Да, в такой день казалось, что ничего невозможного нет.

Над афинскими улицами и рынками возвышался Акрополь. Он был везде, куда ни посмотри, как будто притягивал взгляд. Ксеркс видел храмы, некоторые в окружении строительных лесов, с незаконченными колоннами, – и все в честь греческих богов. Его лазутчики рассказали о многом, даже о памятнике, увековечившем сражение при Марафоне десять лет назад. Ксеркс знал: та победа греков над персами глубоко ранила царя Дария, надломил дух и стала, возможно, причиной болезни, оторвавшей его от мира, отнявшей силы и поразившей плоть. При мысли об отце Ксеркс ощутил прилив закипающей ярости. Он снесет эти камни!

Заметив какое-то движение на большой скале, он остановился:

– Там... наверху... там кто-то есть?

Поднеся ладонь козырьком ко лбу, Мардоний всмотрелся в даль и ответил:

– Есть, повелитель. Вероятно, это группа жрецов, насколько я могу судить. Мы их уберем.

Он не сказал царю, что тощие, кожа да кости, старики перекрыли главный путь к вершине, вооружившись древним оружием и доспехами, очевидно снятыми со стен храмов. Их присутствие было не более чем мелкой помехой, но избавиться от них к тому времени, когда молодой царь настоял на вторжении в город, еще не успели. Сейчас Мардонию хотелось отвлечь Ксеркса от мрачных мыслей.

Внезапно, словно подхваченный ветром, молодой царь сорвался с места и устремился к подножию Ареопага, менее чем в ста шагах от них. Подбежав, он не остановился и в энергич-

ном порыве бодро зашагал вверх по ступенькам. Добравшись до огромной площадки наверху, Ксеркс дышал все так же легко и свободно.

Афинская знать собиралась здесь сотни лет. Царь шагнул к самому высокому месту на Ареопаге и, повернувшись, посмотрел на Акрополь. Но даже Ареопаг казался карликом по сравнению с этой величественной скалой.

Закаленный месяцами походной жизни, Мардоний тоже забрался на вершину без особого труда. Царь был в хорошем настроении и мог идти, если пожелает, в священные для врага места. Заметив оживление на Акрополе, Мардоний прищурился, глазом опытного полководца оценивая происходящее. Ничего такого, из-за чего стоило бы беспокоиться.

– Я отправил туда хазарабам – они поднимутся по тыльной стене. Другие отвлекут греков, стреляя снизу. Видишь, повелитель? Они доберутся до вершины и разобьют защитников храмов.

Хазарабам – персидский полк, тысяча воинов.

– А потом преподай им наглядный урок, – сказал царь. – Мне будет приятно. Сделай так: выстави тела на обозрение их богам.

– Как тебе будет угодно, великий царь.

Довольный Ксеркс медленно повернулся. Ему необычайно понравилось здесь, наверху. Вдалеке на юго-западе темнело море, за спиной высился Акрополь.

– Я не стану ждать, – сказал царь. – Хочу спуститься к морю и посмотреть, как мой флот разрушит их последние надежды. Пусть этот город сожгут. Здесь, кажется, довольно сухо. Полагаю, пламя распространится быстро.

Ксеркс посмотрел на навесы из парусины и старого дерева на рыночной площади, в паре улиц отсюда. Она была гораздо меньше, чем показалось внизу. Ее размеры выросли в его воображении из-за преступлений жителей этого города. Рынок, конечно, сгорит, как и оштукатуренные кирпичные дома с черепичными и деревянными крышами. Ксеркс улыбнулся, представив тлеющие уголья и плавно кружащие в воздухе искры, разносящие огонь дальше и дальше. Он устроит большой пожар, чтобы все пылало у него за спиной. Пусть греки видят столбы дыма и знают, что город их драгоценной богини Афины невозможно защитить, что он разграблен, осквернен и отдан на поругание. Ему была приятна эта мысль.

– Принеси мне факел, – сказал Ксеркс, и глаза его блеснули.

Мардоний свистнул стоящим неподалеку слугам, всегда готовым выполнить любую прихоть хозяина. Когда они поняли, что нужно, один из них взобрался на скалу, дрожащими пальцами достал кремень и кресало, высек пучок искр и, держа трут в сложенных чашечкой ладонях, поднес трепещущий огонек к палке, обернутой промасленной тканью и густо пропитанной смолой. Огонь схватился, затрещал, плюя брызгами. Слуга распростерся на камне, и пыль прилипла к его коже.

Полководец последовал за царем вниз, как будто тот возглавлял процессию. Пламя, которое нес царь, растянулось в воздухе грязной, закопченной лентой. Перепрыгивая со ступеньки на ступеньку, Ксеркс спустился на улицу и остановился.

Лето затянулось, и в городе было сухо. Ксеркс поднес факел к дранке под крышей, и пламя вгрызлось в дерево. От каждого тычка огонь разбежался все дальше, оставляя за собой тонкие струйки дыма. Некоторые плитки трескались от жара, издавая почти музыкальные ноты. Ксеркс смеялся и шел дальше, помечая огнем каждый дом. В конце улицы он повернул назад и остановился посреди дороги – столбы дыма соединились и поднялись, уже дыша, уже вырвавшись из узды.

Мардоний шел за царем и сам невольно улыбался, заражаясь его улыбкой – улыбкой завоевателя, довольного своим успехом. Ксеркс бросил факел, и полководец поймал его на лету.

– Закончи то, что я начал, – сказал царь. – Я решил, что этому городу не быть. Это награда грекам за дерзость, за то, что бросили вызов моему отцу. Сожги здесь все! Я иду на корабли!

Хочу видеть, как будет разбит афинский флот. Благодарю! Я поделился этим с тобой. Запомни этот день навсегда.

Ксеркс решительно зашагал в сторону моря. Мардоний смотрел ему вслед, а когда убедился, что царь не остановится, сжал губы в тонкую линию и резко махнул рукой, отправив вдогонку Ксерксу царских стражников и шестьдесят лучников. Он свистнул, вызывая дополнительную охрану. Да, ему доложили, что в городе безопасно, но что за стенами? По дороге к морю всякое может случиться. Кто знает, не остались ли здесь фанатики и не приготовили ли они засаду персам? Не хватало только, чтобы какой-нибудь безумный старик заколол Ксеркса в момент его триумфа.

Легкий ветерок сдул искры на одежду, и Мардоний переложил факел в другую руку. Если он и сомневался когда-то в благословении великого бога Ахурамазды царской семье, то все неверие рассеялось в этот день. Несколько месяцев они с Ксерксом вели сюда армию и флот, и больше не было таких целей, которые они не могли бы достичь.

Он нахмурился, вспомнив переправу по мосту из кораблей и долгий поход по Эгейскому морю. Его воины перенесли немало лишений и выдержали тяжелые испытания, чтобы стоять сегодня в Афинах. Многие уже не вернутся домой.

В битве при Фермопилах Мардоний сам был свидетелем поразительного воинского мужества. Он признавал это в своих самых сокровенных мыслях. Но в конце концов полегли даже спартанцы. Ксеркс приказал отрубить голову их царю, а тело разрезать на куски и бросить в море, как будто боялся, что великий воин воскреснет. Мардоний содрогнулся при воспоминании. Они не победили спартанцев мечом и щитом. Не смогли. Ксеркс приказал своим людям отступить и метать копья, снова и снова, пока не пали последние защитники горного перевала.

Но на море им удалось отеснить афинский флот, напомнил себе полководец, глуша голос суеверного страха. Несмотря на все свое мастерство и смелость, греки не смогли спасти Афины, самое сердце и источник их могущества. Бог явно был на стороне Персии. Мардоний ощущал благоговение от этой мысли, посылая безмолвную молитву царю Дарию, отцу народов и спутнику своей юности – времени, когда весь мир был сладким и чистым, как молодой персик. Старик, конечно, незримо наблюдает за ними и радуется.

Переменчивый ветер снова подул на огонь, и пламя хлестнуло по руке. Отогнав посторонние мысли, Мардоний сосредоточился на предстоящей работе. Как же он устал! Ему нужен был отдых – немолод уже. Он вздохнул, напоминая себе, что весь целиком, со сбившимся дыханием и больными коленями, принадлежит царю. Ксеркс не видел слабости и не допускал ее. А значит, придется продолжать.

Из дверных проемов некоторых домов, мяукая и прижимаясь к ногам воинов, заходящим наблюдали кошки. Наверное, они стоят. Может быть, к их хвостам привяжут горящие факелы и орудия отправят разносить огонь. В других городах поступали так, хотя сам Мардоний считал, что это чересчур. Простое всегда лучше сложного – к этой нехитрой мудрости его привел собственный опыт.

Он подумал об окружающих Афины стенах. Огромные ворота и башни – это такой же символ, как и любая настоящая защита. Но чем бы они ни были, их можно разбить. В его армии более четверти миллиона человек, и она годится для всего. Они разрушат стены.

Издали, с Акрополя, долетели слабые крики и лязг оружия, но поднимающийся столб дыма скрыл происходящее там. Мардоний прикусил губу. Нельзя допустить, чтобы его люди попали в огненную ловушку на горящих улицах. Нужно было тщательно все продумать и спокойно взяться за дело. Пусть царь наслаждается своими победами! Он это заслужил.

Еще один хазарабам численностью в тысячу человек быстро прошел по улице, появившись из сгущающейся пелены дыма.

Мардоний отправил пару гонцов передать приказания и послал остальных вслед Ксерксу. Царь не думал о собственной безопасности, положившись на полководца. Мардоний знал, что

хорошо служит своему повелителю. При мысли об этом сердце его вспыхнуло, как горящие вокруг крыши.

Глава 2

Галера ускорила, и Фемистокла обдало брызгами. В проливе между островом Саламин и Пиреем, великим афинским портом, море обычно спокойно. Но сейчас носовой таран то и дело врзался в бурливые волны, поднятые сотнями судов и тысячами весел.

Фемистокл на мгновение растерялся – сказывалась свинцовая усталость, накопившаяся за последние дни. Он прикрыл глаза рукой, полагаясь на чувство равновесия и крепкие ноги, чтобы удержаться на палубе. Порядок корабельного строя рассыпался у него в уме, все перепуталось и смешалось, обратилось в хаос. Он вытер с век морскую воду, ощутив под ладонью жесткую от соли кожу. На нем не было боевого облачения. Доспехи надели только гоплиты и кормчие, бывшие мишенью для стрел.

Держа в левой руке щит-гоплон, Фемистокл наблюдал за вражескими кораблями. Под палубой, на которой он стоял, сжимали весла гребцы, сидевшие в три яруса с каждой стороны. Сто восемьдесят свободных афинян. В тот год даже домашним рабам предлагали свободу за согласие стать гребцами. Он же считал, что это рискованный шаг, грозящий непредвиденными последствиями, если они переживут войну.

Гребцы жмурились от натуги, ощущая каждый вдох словно глоток расплавленного железа, но терпели. Через уключины они видели справа и слева другие триеры. Нос и таран оставались вне поля зрения. В выборе направления и удержании курса им приходилось полагаться на капитанов и рулевых. Их сила и выносливость были еще одним ресурсом, который следовало расходовать с пользой, а не растрчивать впустую. Все уже вымотались до предела, это было ясно и без слов.

За последний час Фемистоклу пришлось послать вниз двух гоплитов, чтобы заменить гребцов, которые умерли на своих местах – у обоих не выдержало сердце. Тела выбросили за борт. Люди наблюдали за этим полными ужаса глазами. Но ведь они же молоды, все до единого, и точно не будут следующими. С ними такого не случится.

У Фемистокла на палубе оставалось всего двенадцать гоплитов, готовых прыгнуть через борт, если поступит команда брать на abordаж. Одетые в золотистую бронзу, они смотрели на него, ожидая приказов, такие же юные, как некогда он сам. В ответ на их пристальные взгляды он постарался произвести впечатление уверенного в себе человека. Двое из них сверкнули улыбкой и отвернулись к морю.

Фемистокл непобедимый. Фемистокл – задира, драчун, заносчивый и не знающий страха! Фемистокл-счастливчик. Он не возражал, как бы они его ни называли. И не важно, что его считали благословенным богами. Ничего из того, что он выигрывал для себя, не далось благодаря удаче или судьбе. Он нахмурился от этой глупой мысли и прикоснулся языком к медальону, который держал за щекой. Медальон подарила мать, на нем была изображена сова Афины. Хотя шнурок оборвался, Фемистокл все равно носил талисман с собой. Терпение богов лучше не испытывать, как не стоит и соблазнять их наказывать его за гордыню. Особенно сейчас, когда он плывет на хрупкой скорлупе в окружении вражеского флота.

Словно в ответ на его мысли прямо по курсу появилась дюжина галер с выбранными Ксантиппом флажками. Порядок в голове восстановился, и Фемистокл внутренне возблагодарил Ксантиппа за эту выдумку. Чтобы не рисковать и не испортить предстоящую охоту, он приказал гребцам наполовину сбавить ход, хотя сердце и подпрыгнуло при мысли присоединиться к ним.

Кто вернул Ксантиппа из изгнания, когда Афины нуждались в нем? Он это сделал. Благодарный Фемистокл, отбросивший амбиции и личные разногласия, чтобы привести домой

таланты, по праву принадлежащие Афинам! Да, правда, Ксантипп мог быть бессердечным и хладнокровным, он привык смотреть свысока и принимать суровый вид спартанца. Но он отточил навыки целого флота, как меч на точильном камне. Три сотни кораблей с подготовленными командами, работающими совместно, когда ставки высоки как никогда. Фемистоклу не составило труда признать таланты этого человека. Собственно, по этой же самой причине он когда-то и отправил Ксантиппа в изгнание. Но во время войны роль стратегов, подобных Ксантиппу, была неоценима.

Фемистокл с силой сжал кожаный ремень щита – приступ дикой ярости, необузданной свирепости затуманил рассудок, как бывает при виде первой крови в кулачном поединке. Эскадра Ксантиппа рвала вражеский строй. Ни один персидский капитан не мог направить нос корабля сразу к двум или трем триерам, атакующим с разных сторон.

Наблюдая за происходящим, Фемистокл увидел, как неприятельская галера приближается на полной скорости в облаке разбрасываемых веслами белых брызг. И тут же одновременно три греческие триеры развернулись, как выбившиеся из стаи волки. Перс осознал свою ошибку и налег на руль, но ему не доставало быстроты, и его весла не поменяли ход. Он только подставил борт, превратившись из охотника в добычу. В следующий момент в него врезались два греческих судна. Затрещали доски.

Когда Фемистокл проходил мимо, триеры уже отвалили и устремились на поиски новой цели. Холодное море хлынуло в пробоины персидского корабля, и он, протараненный в самое сердце, начал погружаться.

Фемистокл был достаточно близко, чтобы услышать крик страха, вырвавшийся у гребцов в трюме. В отличие от греческих экипажей, эти бедняги могли быть прикованы к сиденьям цепями. Корабль уйдет на дно вместе с ними. Фемистокл поежился при этой мысли, хотя и сказал себе, что это всего лишь морские брызги, и оскалил зубы в хищной ухмылке.

– Берем, куриос? – спросил капитан, подходя к нему.

Фемистокл покачал головой. Тонущая галера перевернулась. Воздух забурлил изнутри, и крики смолкли.

– Немного поздновато, – сказал он, заметив, что все внимание капитана приковано к гибнущему врагу.

Галеры были страшным оружием, но отличались неустойчивостью. Низкие, с открытыми бортами, они слишком легко набирали воду и редко выживали после столкновения. Вот почему Фемистокл не спешил атаковать, а предпочитал выбрать момент получше, давая отдых гребцам. Пролив, насколько хватало глаз, был заполнен кораблями. Вдалеке по-прежнему маневрировала основная часть персидского флота; суда жались одно к другому в тесном горлышке пролива.

По правде говоря, Фемистокл потерял счет атакам, в которых участвовал со своей командой. Только водянистые подтеки крови на досках палубы напоминали о сделанном. Рядом с рулевым торчали обломки стрел. Раненые не могли как следует позаботиться о себе из-за влажности и постоянных брызг. Все, что им было доступно, – это обмотать рану полоской ткани. Еще одного воина они лишились незадолго до того, как Фемистокл увидел Ксантиппа. Это был гоплит из его родного афинского дема. Парень потерял сознание из-за глубокой раны, которую никто не заметил, и, даже не вскрикнув, соскользнул в кильватер, придавленный тяжестью своих доспехов.

К тому времени вся команда состояла из ветеранов, битых-перебитых и безмерно усталых. Они сражались и были готовы сражаться снова, но море и соль стирали следы войны. Фемистокл поймал себя на том, что мечтает о твердой земле под ногами, где мертвые не исчезают без следа, как будто их никогда и не было.

Словно вспомнив о чем-то, он невольно обернулся и посмотрел на странную публику, собравшуюся на берегу острова Саламин. Всю ночь курсировавшие между портом и островом

суда перевозили через пролив жителей Афин. Эвакуирован был весь город. Утром, когда вставало солнце, мужчины еще храпели на скамьях гребцов, а потом, как голодные волки, вылизывали дочиста миски с тушеным мясом. Как раз в это время персидский флот огибал оконечность побережья.

На берегу люди стояли почти у самой воды, так близко, чтобы с моря было видно, что они машут руками. Облепив утесы, словно морские птицы, они тарасились туда, где решалась их судьба. В этот момент Фемистокл не завидовал им. Он знал, что смотрит в лицо смерти каждый раз, когда персидский лучник натягивает лук или вражеская галера с рычащими воинами, лязгающими мечами и щитами, пытается сломать их весла и борт. Что ж, он свою судьбу выбрал сам и, по крайней мере, мог умереть сражаясь. Оставшиеся на берегу не утешили бы себя тем же. Персы привели в пролив восемьсот кораблей, и в случае их победы афинским женщинам и детям бежать было бы некуда. Они оказались бы в ловушке на берегу острова и ждать могли бы только одного: что их схватят и погонят в рабство.

Фемистокл повернулся в другую сторону – там над городом поднимался огромный столб дыма. Костяшки пальцев на ремне щита побелели от бессильной ярости. Вдали виднелся Акрополь, и Фемистокл произнес молитву богу войны Аресу. Хотя там и не возвели храм этому кровавому богу, время было самое подходящее. Чувствуя горечь вины, он также помолился Афине. В конце концов, богиня носила доспехи. Греки были ее народом. Он сам принадлежал ей и никогда не чувствовал себя беспомощным, пока она улыбалась ему.

Продолжая смотреть в сторону города, Фемистокл увидел появившуюся на берегу порта марширующую колонну. Наметанный глаз старого воина позволил определить, что это не гоплиты, не греки – другие, стеганные одежды, другой формы щиты. Он снова поднял ладонь козырьком ко лбу. Слава богам, дальнзоркость была в этот день его преимуществом. По крайней мере, он видел врагов, напоминавших с этого расстояния насекомых. Вообразив, что персидские воины разгуливают, смеясь, по Афинам, толкуются, не встречая отпора, в священных храмах, Фемистокл прикусил губу. Отвратительная мерзость, но, если мужчина не способен удержать победу, завоеванное отнимут. Боги требовали от людей силы или отдавали в подчинение и рабство. На этой простой истине и основывались сады и гимнасии Афин. Сопровитесь, или станете рабами.

– Вон тот! – окликнул его капитан. – Или даже те два. Похоже, повреждены.

Не важно, был ли это вопрос или призыв к действию, Фемистокл снова сосредоточился на окружающей его реальности здесь и сейчас. Ксантипп прошел мимо, а второе крыло флота под командованием Кимона находилось на некотором расстоянии позади. Фемистокл присмотрелся к возможным целям и увидел сломанные весла и небольшой крен ближайшей пары персидских кораблей. Кто-то их уже потрепал.

Он кивнул и сказал:

– Ударим любого из этих двоих. У них почти никого нет на палубе. Второй выглядит так, что и от ребенка убежать не сможет. Оставим его на потом. А уж затем, с благословения Посейдона и Афины, вернемся за третьим.

Триерарх хлопнул его по плечу, на что Фемистокл не отреагировал. Он услышал, как приказ передал командующему гребцами келейсту, который стоял в проходе; над палубой виднелась только его голова. Тот пригнулся, чтобы проорать команду гребцам – повысить темп. Кормчие взяли за рулевые весла, а триерарх вышел на нос корабля и взмахами руки влево и вправо задал нужное направление.

Воспользовавшись долгожданной передышкой, гребцы успели восстановить силы, и теперь триера была способна прыгнуть на врага.

Гоплиты на палубе приготовились нападать или защищаться, по обстоятельствам. Фемистокл похлопал по короткому мечу в ножнах, проверяя, на месте ли он, и протянул руку, в

которую тут же вложили длинное копьё-дори. Надежное, увесистое оружие. Возможно, он и был первым человеком в Афинах, но сейчас город охватило пламя.

Чтобы спасти свой народ, Фемистокл назначил себя навархом, хотя формально начальником объединенного греческого флота был спартанец Эврибиад.

Корабли сблизились. Фемистокл вместе с командой проревел боевой клич, и персы, запаниковав, попытались избежать грозящей им участи.

За мгновение до столкновения он, не удержавшись, бросил взгляд туда, где собирались в порту вражеские силы. На берегу устанавливали громадный шатер, похожий на большую белую птицу, удерживаемую на месте суетящимися воинами. Казалось, протяни руку – и дотронешься. Фемистокл почувствовал, как у него свело живот. Был только один человек, который мог потребовать такое в разгар битвы.

Горло перехватило на вдохе. Мир качался вверх и вниз вместе с движением корабля. На берегу внезапно появился Ксеркс – отдельная фигура, человек, не трудившийся вместе с остальными. Царь Персии стоял в длинном одеянии, ладонью прикрывая глаза от солнца.

Отвлечшись, Фемистокл чуть не упал за борт, когда триера ударила в цель. Все судно отозвалось громким стоном. Именно поэтому бронзовый таран ставили на килевую балку, проходившую по всей длине корпуса. Только эта часть корабля могла выдерживать таранные удары.

Первым с палубы на палубу прыгнул персидский капитан, за которым последовали несколько человек. В их глазах Фемистокл увидел отчаяние. Персов остановили щитами, а потом изрубили мечами. Тела сбросили в море, а большое красно-черное пятно на палубе смыла соленая вода, и на досках остались только розовые полосы.

Келейст прокричал новый приказ, и весла ударили в другую сторону, разводя два корабля. Будь у них больше времени, команда с удовольствием обыскала бы персидскую галеру. Персы носили много золота, и Фемистокл старался не обращать внимания на звонкие побрякушки, уже появлявшиеся на его гоплитах. Сам он считал, что эти люди, пожелай они того, могли бы заполнить весь мир.

Второй персидский корабль попытался затеряться в хаосе сражения. Ему даже удалось развернуться, хотя Фемистокл заметил, что весел на одной стороне нет, что и объясняло невысокую скорость. Какой-то греческий таран прошелся по борту, ломая весла и убивая державших их гребцов. Скорости, чтобы уйти, персам явно не доставало, и они просто отползали подальше. Фемистокл поймал себя на том, что ухмыляется, когда его триерарх развернул корабль им вслед. Погоня на море – дело обычно долгое, но только не в том случае, когда у преследуемого сломана половина весел и трюм полон трупов.

Воспользовавшись затишьем, Фемистокл снова оглядел поле боя – точно так же, как сделал бы это на суше. Будучи стратегом, он старался держать в уме картину всего действия. Для воина в строю есть только те, кто вместе с ним, слева и справа, и тот, кто напротив. Командующий должен видеть дальше – и это правило справедливо не только на суше, но и на море.

Персы привели сюда огромный флот, и только узость пролива позволяла грекам продолжать вести сражение. Фемистокл понимал это. При нынешнем положении дел враг не мог использовать свое подавляющее преимущество. Эвакуация на Саламин дала афинянам временную передышку, но врагов все равно было слишком много! Корабль за кораблем персы перемалывали союзный флот. Такова была общая картина. Коринфяне потеряли половину своих – двадцать из сорока. Десятки афинских галер были потоплены или взяты на abordаж и сожжены. Афиняне понесли самые большие потери и уничтожили больше врагов, сражаясь как сумасшедшие на глазах у женщин и детей. Не с таким ли страхом и изумлением смотрели со своих зубчатых стен жители Трои? Крови при Саламине пролилось не меньше. Тел и обломков было местами столько, что галеры расталкивали их носами.

В момент просветления Фемистокл с полной ясностью понял, что они не смогут победить, – и его накрыла паника. А потом он начал думать, использовать данный ему гениальный

ум, сделавший его первым в Афинах представителем того золотого поколения. Спартанцы всегда жаловались на афинскую хитрость, напомнил он себе. И разве он не величайший афинянин? Должен был быть способ переломить ход битвы.

Нагоняя незадачливого перса, Фемистокл снова посмотрел на берег, откуда сам Ксеркс наблюдал за тем, как в смертельной схватке истребляют один другого два флота. Половина персидской армады еще не вступила в бой и, держась в стороне, как акула, ожидала своего часа, чтобы войти в пролив.

Над городом, который Фемистокл так любил, поднимался дым. Конец всему, что он знал, приближался с неотвратимостью падающего молота.

Глава 3

– Перикл, не стой так близко к краю! – резко бросила Агариста. – Что я скажу твоему отцу, если ты разобьешься насмерть о камни?

Младший сын обернулся и взглянул на нее из-под бахромы густых черных волос, свисавших до самых глаз. Он всегда смотрел как будто из тени, смотрел с негодованием, ощущавшимся почти физически. Агариста ждала, не позволяя себе отвести взгляд, пока юноша не решил, что ясно выразил свое мнение, и, пожав плечами, не отступил на полшага назад. Она одернула сына не столько из страха за него, сколько для того, чтобы успокоить нервы.

В шестнадцать лет Перикл напоминал угря – плотный, мускулистый, гибкий. Она знала, что сын умеет плавать, поэтому не боялась, что он упадет в воду. Но все же камни внизу остры как ножи. Эта женщина не была суеверна, но судьба Афин решалась в проливе у Саламина, и Агариста страшилась увидеть алую кровь в тот день, когда ее муж рисковал жизнью в сражении против превосходящих сил врага. Греки ждали от богов могущества и победы. Ждали, что боги нашьют бурю и рассеют персидский флот.

Ксантипп был где-то там и, возможно, уже пал. Агариста не знала наверняка, но допускала такую мысль и терзалась из-за этого. Почувствует ли она его смерть, ощутит ли его последний вздох, последний миг света перед уходом во тьму? Ксантипп был суров и неумолим, но, видят боги, он стал тем мужчиной, которого она когда-то разглядела в нем. Ее отец считал его недостойным дочери рода Алкмеонидов, но она заметила стержневое качество молодого Ксантиппа – вероятно, самодисциплину вкупе с амбициями.

Агариста ощутила прилив гордости. Она вышла за мужчину непозволительно доброго и мягкого и медленно поворачивала его на углях брака, пока он не закалился. Он стал таким мужем, какой и требовался, ее величайшим творением. Но потом вмешался Фемистокл, провел голосование в собрании, и Ксантиппа изгнали из города, оторвали от семьи и дома. Агариста поджала губы – тяжелые воспоминания. Утраченные годы не вернуть. Фемистоклу никогда не будут рады ее родные, во всяком случае при ее жизни.

Перикл снова прокрался вперед, чтобы наблюдать за морским сражением. Она понимала его беспокойство, но ничем не могла помочь. Прикрыв глаза ладонью от яркого утреннего солнца, сын не отрываясь смотрел на вражеские корабли.

Он хотел быть с флотом и даже пытался остаться на борту, когда Ксантипп привел триеру к пристани и, опустившись на колени возле сыновей, наказал им защищать мать и сестру Елену. Агариста видела, как мальчики приняли ножи из его рук. Думали ли они о том, для чего предназначены эти клинки? Смогут ли они убить мать и сестру, если женщинам будет грозить рабство? Агариста нахмурилась. Она сознавала опасность – и для себя, и для Елены – и все же отобрала бы у них ножи, если бы они попытались выполнить отцовское поручение. Женщины умеют выживать. Выход есть всегда. Всегда.

Агариста предупреждающе вскинула ладони, увидев, что Перикл поскользнулся. Но он сумел удержать равновесие, широко раскинув руки.

– Иди сюда! – сердито потребовала мать.

Было видно, что Перикл и сам в смятении от случившегося. Он покраснел, отступил на несколько шагов и грациозно растянулся на песке. Его старший брат Арифрон раздраженно отвернулся. Он воспринимал долг как груз ответственности, и выходки младших детей его только злили. Агариста видела, что он переживает из-за их глупостей.

Арифрон тоже хотел уйти с отцом. Ему исполнилось семнадцать, и он должен был в скором времени получить право голоса в собрании. Ксантипп, однако, приказал сыну остаться. Еще несколько парней того же возраста составили ему компанию – кучка угрюмых и недовольных всем на свете юнцов среди тысяч эвакуированных горожан. Зато на службу отправились рабы-мужчины и вся личная стража. Агариста слышала, как ее муж обещал свободу каждому, кто встанет на защиту Афин от захватчиков.

Когда корабль подошел к берегу и семья Ксантиппа спустилась на мелководье, Агариста обернулась и увидела печаль в глазах Мания, старшего среди домашних рабов. Она не сомневалась, что старик все еще любит ту девочку, которую качал на коленях, когда она была маленькой. Агариста знала, что Маний остался бы с ней и детьми, но тогда, посреди всеобщего хаоса, она заметила, как он оглянулся. Муж отвлекся на корабль, и Агариста, повинувшись внезапному порыву, протянула руку и коснулась покрытого шрамами кулака раба. Когда-то, когда она еще бегала с голыми коленками, Маний носил ее на плечах и фыркал, как минотавр. Он рассказывал ей истории из Гомера и учил вязать морские узлы. Он был с ней всю ее жизнь.

– Иди, – отпустила его Агариста. – Быстро. Заслужи свободу.

Он молча наклонился и поцеловал ей руку. Эта безмолвная благодарность лишь укрепила ее во мнении, что она сделала правильный выбор. Спускаясь к гребцам, чтобы взяться за весло, старик вытер слезы.

Такое же расстроенное выражение Агариста видела и на лицах сыновей, но не могла попросить за них. Ксантипп не ждал от детей ничего, кроме повиновения. Они были его мальчиками, и он предъявлял к ним самые высокие требования. Пока не исполнилось восемнадцати, в собрании делать нечего и в войске тоже не место, разве что стоять рядом с ветераном и нести его щит.

Агариста потянулась к Арифрону, который сидел, обхватив руками колени, с босыми, испачканными песком ногами. Она убрала нависшую над его глазами прядь волос. Сын вздрогнул от неожиданности и вскинул голову. Перикл бы дернулся и отстранился, маленький недоτροга. Арифрон же понял мать, как понимал всегда.

– Отец хотел, чтобы я была в безопасности... – начала она.

– Само собой, – ответил сын, пересиливая огорчение. – Он заставил меня поклясться, что я останусь здесь, пока он не вернется или пока не буду уверен, что он не вернется. И как я уйду... без корабля...

– Он доверяет тебе, – сказала Агариста в ответ на его взгляд.

Сын кивнул, не отводя глаз, хотя в них застыла боль.

Агариста заметила, что Перикл, наблюдавший за ними и, по-видимому, решивший, что матери не до него, подполз на коленях к скалистому краю. Такой наивный. Младший сын до сих пор не определился, как вести себя с родителями, и то демонстрировал ослиное упрямство и вспыльчивость, то источал медовую сладость. Мало того, он просто не видел правильного пути, не пройдя для начала по неправильному.

Елена, вытянув ножку, толкнула брата в спину. Перикл выругался и вскочил.

– Сядь, – сказала Агариста. – Отец на войне, и мне, кроме тебя, забот хватает. Почему ты такой непослушный? Сядь, говорю тебе! – строго добавила она, подавляя протесты сына.

Елена наблюдала за ними с невинной улыбкой.

Между тем море начало приносить к берегу тела. Ветер был слабый, но мертвецов прибывало течение. Агариста мгновенно поняла, что Перикл захочет спуститься и провести рассле-

дование. Никакого удовольствия от неперемного столкновения их характеров она не ожидала, и к тому же страх за Ксантиппа, детей, себя и семейные корни полностью ее истощил. Афины были ее домом, и она представить не могла, что начнет все заново где-то в другом месте.

– Новости придут еще не скоро, – предупредила Агариста, но не стала указывать на огромный, до сих пор не вступивший в сражение персидский флот.

Ограниченность морского пространства не давала персам такой возможности, и они оставались на месте, свежие и свирепые, тогда как греки уже были измотаны и истекали кровью. Конечно, она боялась и только тихонько молилась, чтобы в бой вмешалась Афина. Ее собственный город охвачен пламенем! Это же просто непристойно.

– Арифрон может остаться здесь, – сказал Перикл, – а я спущусь на берег. Какие-то парни уже там. Узнаю новости, поспрашиваю, что им известно.

Он поднялся, шурясь и прикрывая ладонью глаза. Стараясь держать себя в руках, мать медленно выдохнула. Это не его вина, сказала она себе. Он родился таким – не может усидеть на месте.

– Нет, ты останешься здесь, со мной и сестрой, – заявила Агариста.

Он, конечно, начал возражать. Мальчик просто никого не слушал!

Арифрон мог бы записать тысячу строк Гомера, а вот Периклу не хватало терпения выучить хотя бы один стих. Он ненавидел писать, хотя говорил очень хорошо. В том, что за взглядом этих темных глаз скрывается пронизательный ум, никто не сомневался. Но этот ум был подобен дикой лошади, изнемогающей от гнева и метаний.

– Сядь! – Она устала от его упрямства. – Ты думаешь, наша семья впервые оказалась в опасности? Мы переживали времена похуже этого. И выживали, потому что знали: приказы нужно выполнять.

Гнев шел от младшего сына волнами, как полуденный зной. Но в конце концов, Агариста была властью, и Перикл привык подчиняться ей. Вот только долго ли это продлится, ведь теперь он уже сильнее? А она в свои тридцать пять лет по-прежнему была молода и красива.

Агариста указала на вышедших к берегу афинян:

– Почему, по-вашему, мы сидим одни? Между нами и остальными – пространство. Думаете, это просто из уважения?

Елена и братья в замешательстве пожали плечами и огляделись, как будто увидели все в новом свете.

Агариста взмахнула рукой, рассекая воздух:

– Мы – не толпа. Мы – Алкмеониды, древний род. – Она жестом подозвала детей поближе. – Ваш отец сражался на фенхелевом поле, в битве при Марафоне – вместе с Фемистоклом, Аристидом, Мильтиадом, отцом Кимона. Что касается меня, то мой дядя пересмотрел половину законов Афин. Он расширил собрание, назвал десять афинских племен и сделал еще много полезного. Люди знают, что обязаны своими голосами ему – нам. Ваша кровь – золотая нить. Может быть, есть одна или две другие семьи, которые стоят так же высоко, но не более того. Выше нас нет.

Перикл хмуро оглядел собравшихся группками афинян. По его мнению, никакого особого почтения они не проявляли, хотя и оставили Агаристе и ее детям достаточно места. Похоже, мать говорила правду, хотя иногда ему казалось, что она слишком полагается на влияние или защиту своей семьи. Она не видела темных переулков, по которым Перикл бродил в одиночку, подальше от толпы. Иногда ему встречались тела, распростертые на солнце или растерзанные собаками. В глубине души он знал, что смерть может забрать любого, где бы ты ни приклонил голову. Например, в этот самый момент смерть наблюдала за ними с кораблей. Но об этом он не сказал – не хотел огорчать мать.

Агариста вытянулась, высматривая в пенящемся прибое утопленников, и поежилась. Мертвецы перекатывались на мелководье, болтая безжизненными конечностями. Море словно

укрылось ими – обломками весел, досками, трупами. На глазах у нее два корабля столкнулись друг с другом, проломив борта и раздавив гребцов внутри. Агариста сглотнула.

– Смотрите! Посмотрите туда! – воскликнул Перикл, протягивая руку.

Ну конечно, его внимание привлекли мертвецы. Агариста знала, что на самом деле он не видит в них людей.

«Мальчики должны расти в доброте, – подумала она. – Мужчины строятся медленно, как башни вдоль городской стены».

Но она не любила младшего сына меньше из-за этого; скорее наоборот, потому что была нужна ему. Агариста вспомнила, как Перикл однажды нашел мертвую ворону и разрезал птицу на кухонном столе. Она застала сына в тот момент, когда он с благоговением расправлял вороньи крылья.

Агариста посмотрела туда, куда указывал палец Перикла и где вместе с остальными утопленниками перекачивалось темное пятно.

– Это же Конис, – сказал Перикл. – Точно он.

Собака ее мужа. Агариста не знала, как отнестись к этому.

В изгнании Ксантипп познакомился с местной женщиной из Коринфа. Собака вернулась вместе с ним как постоянное напоминание об этой части его жизни. Агариста не слишком расстроилась, когда Конис прыгнул в море и поплыл за хозяином. Муж едва не заплакал, но остановиться и вернуться не мог – триера была битком набита женщинами и детьми, и персы уже огибали мыс. Агариста предположила тогда, что мастиф утонул вместе со многими другими в тот день.

Воспользовавшись легким замешательством матери, взявшей паузу для размышлений, Перикл начал спускаться по скалистому склону. И когда Агариста наконец решилась остановить сына, момент уже был упущен, и она осталась с Еленой и Арифроном, умоляюще глядевшими на нее.

– Ох, ладно. Хорошо, – отмахнулась она. – Идите и посмотрите. И сразу же возвращайтесь!

Дети умчались. Агариста поднялась и смахнула песок с туники, чувствуя каждый брошенный на нее взгляд, каждый поворот головы. Она принадлежала к роду Алкмеонидов, и видеть ее без атрибутов богатства и власти, без охраны, рабов и вне высоких стен было так же непривычно и удивительно, как если бы она предстала обнаженной.

Заметив, как склонились друг к другу любители посплетничать, Агариста выше подняла подбородок. Ее дети бежали по берегу к бурой отметине, выделявшейся среди мертвецов. Кивнув сама себе, она зашагала по тропинке вниз. Возможно, собака выжила. Детям нужен был повод для радости. Как и всем.

Фемистокл рисковал жизнью, собственной и всей команды, чтобы высадить одного-единственного паренька, еще совсем мальчишку, сына плотника, исполненного гордости от осознания важности данного ему поручения. Поскольку маленькой лодки для выполнения задачи не нашлось, думали о том, чтобы подогнуть галеру к самому берегу. К тому времени персидские воины роились, как шершни, вокруг своего царя и, опять же как шершни, нападали на каждого, в ком видели хотя бы малейшую угрозу. Простая задача казалась невыполнимой. Но потом плотник показал Фемистоклу тонкую кедровую шкатулку, которую можно было запечатать воском, нагреть и разгладить до толщины скорлупы. Мальчик умел плавать, и все они хорошо знали берег и лучшие места для высадки. Фемистокл опустил парнишку в воду с привязанным к руке узелком.

Они отступили в пролив, и уставшие гребцы получили наконец возможность отдохнуть. Заботиться о безопасности Фемистокл поручил триерарху, сам же сосредоточил внимание на

крошечной фигурке мальчика, направлявшегося к самому могущественному человеку в мире, который сидел в огромном шатре на фоне горящих у него за спиной Афин.

Глава 4

Ксеркс посмотрел сверху вниз на жалкого, перепачканного мальчишку. Стражники обошлись с ним не слишком ласково, пока искали спрятанное оружие. В проливе продолжалось морское сражение, и потому возникло подозрение, что греки могли прислать яд или вооружить гонца тонким клинком. Узелок разорвали, воск содрали, кедровую шкатулку открыли и выбросили. Даже клочок многослойной бумаги, сделанной из высушенного тростника в египетском стиле, не должен был коснуться царской руки.

Дрожащий парнишка лежал лицом вниз на песчаном берегу, придавленный ногой стражника. Чуть в стороне, ожидая кивка от Ксеркса, стоял глашатай, вызванный по причине знания чужестранных языков. Посматривая с интересом на юного афинянина, он готовился повторить царю его слова.

Ксеркс восседал на деревянном троне. Над его головой подрагивал и похрустывал холщовый купол. Полог шатра был откинут, и царь мог наблюдать за проплывающими мимо триерами. Мардоний заверил Ксеркса, что в его присутствии люди сражаются лучше – чувствуют его пристальный взгляд.

– Прочти мне это, – велел царь.

Прежде чем заговорить, глашатай пал ниц рядом с мальчиком, который посмотрел на него в замешательстве. Когда глашатай поднялся, сорванец тоже начал подниматься. Стражнику пришлось надавить посильнее, чтобы удержать его на месте.

– «Великий царь Персии...» – начал читать глашатай.

Он говорил медленно, тщательно подбирая слова. Ксеркс поднял глаза – начало определенно пробудило его интерес.

– «Я, Фемистокл, пишу как друг...» Нет, «союзник» подходит лучше. «Для меня было... честью командовать флотом Афин и Греции. Я не хочу, чтобы мой народ был истреблен, если могу спасти его».

При этих словах Ксеркс подался вперед, затем встал и принялся расхаживать туда-сюда, слушая глашатая. Тот повысил голос, а между тем мальчишка елозил на песке, не понимая значения звучащих на персидском слов.

– «Великий царь, мои полномочия ограничены. Если я призову сложить оружие, меня просто заменят, и сражение продолжится. И тогда вместе с моим народом погибнет еще много персов. Прошу... умоляю... Твоя семья всегда проявляла милосердие к тем, кто просил о нем. Сейчас настало это время. Я вижу, как над городом клубится дым, и плачу».

Ксеркс поднял руку, останавливая глашатая, и посмотрел через пролив. Не там ли Фемистокл? На одном из этих кораблей, снующих, как жалящие насекомые? Не наблюдает ли он сейчас за берегом? Еще дальше, на глубокой воде, покачивались другие корабли, со свежими командами, готовые вступить в бой. Ксеркс понимал, почему грек мог впасть в отчаяние от такого зрелища. До сих пор в пролив вошла едва ли треть персидских военных кораблей. Вдвое больше людей ждали своего часа. А поскольку с пролива был виден его шатер, Ксеркс знал, что капитаны будут драться насмерть, чтобы царь заметил их. Карьеры и семьи строились на его глазах. Даже сейчас, пока он думал об этом, две галеры едва избежали столкновения, промчавшись мимо на предельной скорости.

– Есть что-то еще? Продолжай, – махнул Ксеркс глашатаю.

– Немного, великий царь, несколько строк... «Земля за проливом – небольшой остров под названием Саламин. Если ты пошлешь половину своего флота вокруг него, они смогут войти в пролив с другого конца. Зажатый твоими кораблями с обеих сторон, я смог бы сдаться

с достоинством. Прошу тебя о милосердии. Молю о встрече с тобой как о чести». Подписано: «Фемистокл».

Глашатай перевернул лист папируса, ища какое-нибудь другое слово или тайный символ. Их не было.

– Вызовите Мардония. И приведите кого-нибудь из моих греческих союзников. Мне нужно подтверждение, что Саламин – остров. Кто-то должен знать правду.

Стражник бросился выполнять приказ царя, а глашатай, склонив голову, ожидал дальнейших распоряжений. Мальчишка на земле перестал сопротивляться и только скреб пальцами песок.

Ксеркс, увидев это, улыбнулся. Когда-то он был таким же юным. И конечно, отец избил бы его за такую невнимательность. Вместо этого Ксеркс приказал стражнику отвести парнишку на ближайшую походную кухню, чтобы его накормили. Письмо подняло ему настроение. Его отец действительно понимал греков! Их вождей можно склонить к подчинению. Золото и умение даровать милосердие стоят целой армии.

Было уже за полдень, когда появился Мардоний. Судя по раскрасневшемуся лицу, он спешил издалека. С ним были безоружные фиванцы. Стражники имели строгие указания не подпускать к царю даже доверенных союзников, если у них были мечи и копья.

Царского глашатая не пропустили, и он оставался все это время на одном месте, хотя ноги уже дрожали от усталости. Ксеркс жестом велел ему прочитать письмо вслух по-гречески, и голос глашатая зазвучал устало и хрипло. Когда он закончил, один из фиванцев попросил показать само письмо. Грамотные люди встречались не часто, но Ксеркс позволил дать ему папирус и внимательно следил, как шевелятся губы фиванца, произносящего слова медленно, будто пробуя их на вкус. Прочитав, грек вернул письмо глашатаю.

– Я не очень хорошо знаю Фемистокла, повелитель, только понаслышке. – Он подождал, пока глашатай переведет. – И это правда, что Саламин – остров. Могу подтвердить из своей собственной юности, когда я приехал в этот самый порт.

– И ты поверил бы его предложению сдаться?

Пока глашатай переводил вопрос, Ксеркс наблюдал за реакцией греков. Он заметил, что фиванцы обменялись взглядами, словно ища друг у друга поддержки. Конечно, это были греки, которые предпочли взять персидское золото, а не выступать с оружием против его армии. Про себя Ксеркс считал их людьми низшего порядка. Могут ли такие людишки по-настоящему оценивать мотивацию тех, у кого больше гордости, кто отказался уступить, кто – и на суше, и на море – вышел встретиться лицом к лицу с врагом, победить которого, как они знали, невозможно!

– Мне кажется, да, повелитель, но наверняка сказать трудно. План, который он предлагает, несомненно, положит конец битве. Ни одна армия не может сражаться на две стороны.

Глашатай повторил все, что услышал. Ксеркс медленно кивнул и жестом позволил фиванцам выказать ему почтение. Он терпеливо ждал, пока греки, пав ниц, громко помолились о даровании ему долгой жизни. Понимали ли они, что уже само это позволение есть честь и награда за службу? Тонкости такого рода были, похоже, недоступны эллинам, по крайней мере тем, что находились под его командой.

Когда их увели, царь обратился к Мардонию:

– Он очень мало обещает, этот Фемистокл. Командует, но утверждает, что не может сдаться, и при этом предлагает мне способ быстро закончить битву. Что посоветуешь?

– Преимущество за нами, можно и попробовать, – сказал Мардоний. – Если все пройдет успешно, мы сохраним жизнь тысячам наших людей. Тогда у нас должны быть и планы в отношении греческих пленных. Позволишь ли ты вернуть им свой город? Пока мы разговариваем, мои люди разрушают стены.

– Стены останутся в таком состоянии как символ нашей победы, – сказал Ксеркс. – Мне не нужно окрашивать море в красный цвет. Я пришел сюда, чтобы отомстить. Но когда война закончится, что я хочу оставить после себя? Только ли пепел и кости? Что сказал бы мой отец?

Зная, что от его слов зависят судьбы народов, Мардоний на мгновение задумался.

– Наверное... великий царь Дарий пожелал бы продемонстрировать силу и устроить наглядное наказание, чтобы ему никогда больше не пришлось забираться так далеко на запад. Полагаю, после этого он не стал бы долго о них думать и довольствовался бы посылкой персидских наместников, которые правили бы от его имени, оставлением гарнизонов для поддержания порядка и покоя и введением налогов, которые поступали бы в царскую казну. Твой отец покориł многие народы. Со временем они стали самыми верными провинциями великой империи. Они посылают воинов в нашу армию, и те с гордостью носят цвета и символы вашего дома поверх своих. Возможно, твой отец улыбнулся бы сейчас и поступил иначе. Хотя решение за тобой, повелитель, его дух живет в тебе. Я знаю, ты чтить его каждым вдохом.

– Очень хорошо, – улыбнулся Ксеркс и схватил полководца за плечо. – Поддай сигнал флагману, чтобы спустил лодку и прибыл для получения новых приказов. Пусть капитан Исвант проведет триста военных кораблей вокруг острова Саламин. Им будет полезно немного порезвиться после утреннего безделья! Они должны войти в пролив с запада, но не вступать в бой. Подождем, пока этот Фемистокл не сдержит свое слово и не сдастся. Возможно, я даже встречу с ним.

Мардоний упал на песчаную землю:

– Великий царь, что делать с женщинами и детьми на самом острове? Проявишь ли ты к ним милосердие?

Ксеркс пожал плечами. Пленники были ему не нужны, аппетит к личным рабам с годами поубавился. Разгульные дни давно остались позади. Однако он знал, что это не относится к молодым.

– Возьми одного из... десяти, – улыбнулся он и погрозил пальцем. – Пусть их казнят, но быстро. Можешь также выбрать покрасивее и подарить тем, кто особо отличился. Этого будет достаточно. Остальные пусть вернутся к мужьям и родителям – и славят мое имя. Но никаких стен Афинам не оставлять. Их больше не будет. И пусть это станет символом моей победы.

Мардоний вновь намеренно распростерся на земле. Под ресницами набухли слезы, лицо воссияло одухотворенностью. Воистину отец возродился в сыне. В самый момент победы Ксеркс обрел милосердие, свойственное его роду.

– Великий царь, ты обратил этот день в золото. Я скажу писцам, чтобы запечатлели его во всех подробностях.

Напрягаясь изо всех сил, Перикл вытащил огромного пса из полосы прибойя. Дальше по берегу Агариста вскинула было руку, хотела крикнуть и остановить сына, но в последний момент сдержалась. Все равно бы он ее не послушал.

Мастиф был мертв: он слишком долго пробыл под водой. Но Перикл вытащил его и теперь в отчаянии теребил безжизненно болтающиеся конечности. На помощь мальчику поспешили брат и сестра, и все трое, ухватившись за складки мокрой плоти, перенесли Кониса на сухой песок. Елена плакала, поглаживая бок собаки.

Агариста посмотрела на залив, туда, где продолжалось морское сражение. Корабли персов проходили так близко, что она видела выражение лиц гребцов и людей на палубе. Среди них были лучники, и она спросила себя, будут ли они стрелять просто так, ради забавы или жестокости. Мысль эта напугала ее, поскольку дети на берегу были совершенно беззащитны. Здесь и без того умирали многие. Агариста старалась не смотреть на тела с обезображенными смертью лицами, с открытыми ртами, из которых лилась морская вода. На ком-то были гре-

ческие одежды. Персов же она узнавала по кудрявым бородам – смазанные маслом колечки волос не развились даже в соленой воде.

– Нам лучше уйти отсюда, – сказала Агариста. – Среди персов есть лучники. Я не хочу, чтобы они увидели вас с кораблей и начали обстреливать или высадились на берег.

Эта догадка только что осенила ее и отозвалась новой волной страха. Ксантипп оставил небольшой отряд гоплитов – больше он выделить не мог. Кто знает, что случится, если команда какого-нибудь персидского корабля сойдет на землю.

Перикл вглядывался в глаза мертвой собаки и, казалось, не обращал внимания на мать, не слышал ее слов.

– Уходим, Перикл. Сейчас же!

Он никогда не подчинялся сразу, как будто уши у него открывались только после нескольких повторений. Из-за этого мальчишки Агариста иногда просто теряла всякое терпение.

– Давай, Перикл, – позвал Арифрон.

Перикл буркнул что-то в ответ, и Арифрон покраснел от гнева. Никто в целом мире не мог так легко вывести его из себя, как младший брат. Неучтивое отношение к матери, казалось, оскорбило Арифрона так же сильно, как если бы он был еще одним родителем. Агариста поспешила пресечь разгорающийся спор или, что еще хуже, драку между братьями на глазах у афинских женщин, наблюдавших за происходящим с дюн и утесов.

– Конис мертв, Перикл. Мне жаль. Уходим, пока ты не привлек внимание персов и они не подошли ближе.

Он посмотрел на нее полными злобы глазами:

– Я хотел, чтобы мы остановились. Я же говорил тебе, что он утонет. И отцу говорил! Конис не сдавался, а теперь...

К ее удивлению, Перикл всхлипнул и уткнулся лицом во влажные складки кожи вокруг собачьей морды. Агаристе и в голову не приходило, что он так сильно любит этого пса.

– Мне жаль, – сказала она мягче, – но мы уже ничего не можем для него сделать... Перикл, мне не нравятся все эти мертвецы. Идем, сейчас же.

Он поднялся, неотрывно глядя вниз на безжизненное тело утонувшей собаки.

Конис потерялся в толпе на набережной в разгар отъезда, а потом прыгнул в море, чтобы следовать за кораблем хозяина. Впервые Агариста ощутила укол печали при мысли о том, что ей придется сообщить мужу о смерти Кониса. Посреди всего этого хаоса, гибели и разрушений, когда все, что они знали, было поставлено на карту, потеря собаки могла показаться пустяком, однако на глаза Агаристы навернулись непрошенные и необъяснимые слезы.

Странно, но вид плачущей матери как будто успокоил Перикла. Он взял ее за руку, и они всей семьей потянулись к своему месту на дюнах. Агариста отметила, что оно осталось свободным, других претендентов на него не нашлось. Статус остался при ней, даже несмотря на то, что сейчас она была в облепленной мокрым песком одежде и с пустым желудком.

Когда они устроились, Перикл снова встал на краю склона, но теперь мать не упрекала его. Воздух был чистый и свежий, с привкусом соли. С высоты они могли видеть бурое пятно – мертвого Кониса – в стороне от остальных мертвецов, вкуче напоминающих вынесенный морем плавник.

Взгляд Агаристы скользнул вдаль и остался прикован к столбу дыма над горящими Афинами.

– Возможно, все закончится здесь, – прошептала она, ни к кому не обращаясь.

Она не хотела, чтобы кто-нибудь ее услышал, но Перикл каким-то чудом уловил эти слова и твердо сказал:

– Нет. Наши гоплиты разобьют персов. Они не подведут. Они афиняне. – И пристально посмотрел на мать, словно ждал ее возражений.

Агариста только кивнула в ответ.

Вдалеке строй персидских кораблей начал едва уловимо меняться. Это не было похоже на боевое перестроение, и поначалу понять его было трудно. Галеры, уже готовые вступить в сражение, внезапно тронулись с места. Издалека это выглядело как сползание подмытой морем песчаной дюны или разделение пчелиного роя.

Агариста молчала, гадая, что бы это могло значить. Вместе с другими афинскими женщинами и детьми она медленно поднялась, наблюдая за тем, как корабли выходят из пролива, взбивая белые волны. Елена и Перикл посмотрели на нее вопросительно, но ответов у Агаристы не было, и она только покачала головой, прикусив губу.

Между тем почти половина персидского флота отделилась и направилась вокруг острова Саламин.

Глава 5

Передача приказов в разгар бушующего морского сражения была бы невозможна, если бы не нововведения Ксантиппа. Вскоре после возвращения из изгнания он пришел к выводу, что союзный флот слишком велик и громоздок, чтобы командовать им с одного корабля. Формально навархом считался спартаец Эврибиад, но на деле получалось, что его приказам подчинялась только спартанская часть флота, да и у них это получалось не всегда из-за постоянной перетасовки капитанов. Ксантипп ввел флажковую сигнальную систему и стал назначать командиров эскадр. Тем не менее они продолжали делать вид, что во главе флота стоит спартаец, по крайней мере, до того момента, когда Эврибиад приказал флоту уйти из Афин и отступить к Пелопоннесу.

В ту ночь, неделю назад, Фемистокл с видимой неохотой и тяжелым сердцем сообщил собранию военачальников, что не будет подчиняться этому приказу. Афиняне будут эвакуированы, а сражение будет дано в проливе. Фемистокл также сказал разъяренному Эврибиаду, что спартанские корабли вольны уйти, но если персов не остановить у Саламина, то дальше перед ними открытое море до Пелопоннеса, родины Спарты и Коринфа. Дюжина спартанских кораблей не сможет противостоять восьмистам персидским, если не войдет в состав объединенного греческого флота.

Свое неповиновение Фемистокл постарался выразить по возможности в мягкой форме, но и не оставил места для недомолвок. Афины предоставили двести триер с экипажами из свободных людей и освобожденных рабов, тех, кто был готов сидеть на скамье и грести, не жалея самой жизни. По сравнению с кораблями Спарты и даже сорока экипажами, предоставленными Коринфом, афинский флот выглядел намного внушительнее.

Фемистокл посмотрел на развевающееся над палубой черное знамя – длинную полоску ткани на двух связанных вместе копьях-дори. Известие распространится сразу же, как его увидят. Они с Ксантиппом договорились о сигнале заранее, но условились, что прибегнут к этой мере в самом крайнем случае, когда выбора уже не останется. Он подождал, наблюдая, как некоторые капитаны пытаются избежать столкновений. Задача была не из легких, если учесть, сколько персидских галер стремилось их уничтожить. Прежде чем поднять флаг, Фемистокл подтянул к себе шесть афинских кораблей, выстроив их по примеру Ксантиппа в подобие небольшой эскадры. Всякий раз, когда вражеская галера подходила слишком близко, они атаковали ее группой. Тактика оказалась успешной, и, пока Фемистокл ждал ответа, они успели протаранить еще два персидских корабля. Галеры перевернулись, подставив днище небу, и никто не всплыл. Гребцы у персов были прикованы к скамьям, а воинов тянули на дно тяжелые доспехи.

Время шло, и Фемистокл чувствовал, как гулко колотится сердце. Война на море идет гораздо медленнее, чем на суше. На нижних палубах афинские гребцы либо дремали на лавках,

либо заправлялись тушеной фасолью, запивая ее разбавленным вином из ходившего по кругу меха.

Фемистокл уже начал беспокоиться, когда увидел впереди перемену. Ксантипп не был его другом, во всяком случае после изгнания. Однако эти двое испытывали взаимное доверие во всем, что касалось сопротивления врагу. Пока горят Афины, о мелких разногласиях можно забыть, так они решили. Но не Ксантипп был первым, кто ответил на поданный сигнал.

Группа кораблей напоминала акулу, уверенно прокладывая путь в массе дрейфующих обломков и тел. Фемистокл узнал молодого человека на палубе первого корабля. Кимон стоял у высокого носа триеры, слегка расставив ноги, сцепив руки за спиной и ловко балансируя в такт движению. Стратег унаследовал руководящий талант отца или, может быть, просто семейное богатство и имя. Нет, решил Фемистокл, думать так недостойно. Кимон отличался не только уверенными движениями, но и тем, что взвешивал свои слова, прежде чем заговорить. Не важно, какое качество характера давало ему власть. Важен был результат, а для этого было нужно, чтобы люди слушались его.

По правде говоря, мнение Фемистокла о ком-либо из соотечественников никакого значения не имело, пока они боролись за выживание, сражались на глазах у народа, наблюдающего за происходящим с голого острова. Он прикусил губу, подумав о людях. А есть ли вода на Саламине? Есть ли еда? Он не помнил, что когда-либо высаживался на острове, хотя сто раз ходил к нему на веслах ловить крабов. Отделенный от Афин нешироким проливом, Саламин был единственным убежищем для всего народа, когда персидский флот гнался за греческим по пятам вдоль побережья.

Сам Фемистокл и другие капитаны спасли своих близких, но, может быть, только на один день. К сожалению, у них не было другой возможности бежать куда-либо еще, не задерживаясь на острове, который с таким же успехом мог стать тюрьмой.

Когда триера Кимона уже поравнялась с ними, они оба увидели приближающуюся галеру Ксантиппа. Став борт к борту, афиняне образовали в центре пролива что-то наподобие огромного плота, окруженного проверенными командами, готовыми отразить внезапную атаку неприятеля. Сражение продолжалось, и союзники понесли очередные потери – из строя выбыли три капитана.

Общее напряжение нарастало, и Фемистокл почувствовал это, когда Ксантипп подошел к краю палубы. Весла втянули внутрь, с борта на борт перебросили канаты, чтобы корабли могли двигаться вместе.

«Не так ли и Ксеркс построил знаменитый мост через Геллеспонт, по которому его армия переправилась из Азии в Европу?» – подумал Фемистокл.

На мгновение он представил вытянувшуюся по воде змею из сотен галер с проложенным по палубам настилом, и вот по этой широкой дамбе персидская армия двинулась на запад.

Кормчие Кимона подвели его триеру с другой стороны, так что Фемистокл оказался зажатым посередине. Не дожидаясь приглашения, Кимон перепрыгнул с палубы на палубу, причем опасный маневр выглядел в его исполнении легким и непринужденным. Человек с седыми висками и характером, выправленным горьким опытом, вряд ли пошел бы на такой риск ради того, чтобы испытать радость молодости. Фемистокл заметил, что рука у Кимона перевязана, а на лбу большая припухлость, по всей видимости от сильного удара. Воткнувшиеся в палубу стрелы напоминали стебли какого-то странного сорняка. На молчаливый взгляд Ксантиппа он ответил таким же взглядом, в котором не было ни стыда, ни извинения. Все они сражались в тот день, шли на абордаж и убивали людей – персов, намеревавшихся сделать то же самое с ними.

Ксантипп всем своим видом выражал нетерпение. Он откликнулся на призыв и теперь спешил вернуться в битву.

– Эй, отец, я пришел, – сказал Кимон, вставая рядом с Фемистоклом.

Тот посмотрел на шутника раздраженно – ну нет, не настолько уж он и стар! Впрочем, знал отца Кимона.

Он сделал глубокий вдох, чтобы донести свой голос до Ксантиппа, галера которого опускалась и поднималась на волнах с опозданием на такт. Пауза затягивалась, и Фемистокл сглотнул. Слова давались труднее, чем ему представлялось.

– Я отправил письмо персидскому царю Ксерксу.

Ксантипп, и без того выглядевший суровым, вскинул насупленные брови:

– Что ты сделал?! Не спросив меня?

– А что за письмо, старина? – поинтересовался Кимон.

Голос его прозвучал с мрачной угрюмостью, а рука легла на рукоять висевшего на поясе короткого меча.

Фемистокл расправил плечи и переменял позу, чуть шире расставив ноги для лучшей устойчивости. С ранней юности он занимался кулачным боем и борьбой. И не важно, что Кимон был моложе и ценен как командир, Фемистокл уже решил, что, как только юнец вытащит клинок, он сбросит его в море.

На палубу, под ноги ему, упали веревки. Гоплиты подтащили галеру, на которой находился Ксантипп, борт коснулся борта, и теперь перейти с корабля на корабль можно было одним длинным прыжком.

– Ну что, Фемистокл? – требовательно спросил Ксантипп. – Что ты сделал?

Он и Кимон стояли по обе стороны от него, как будто столкнулись с врагом. Защитит ли его команда, если он подвергнется нападению? – спрашивал себя Фемистокл.

– Я послал к нему парнишку, туда, на берег, куда Ксеркс пришел посмотреть, как мы сражаемся, будто все здесь атлеты на Олимпийских играх. Я сказал ему, что мы сдадимся...

Кимон зарычал и потянулся к нему одной рукой, одновременно вытаскивая меч другой. Фемистокл повернулся спиной к Ксантиппу, доверившись зрелости человека, с которым они хорошо знали друг друга много лет, и схватил Кимона за запястье. Шанс сделать подсечку и сбросить мальчишку в море исчез, когда корабль Ксантиппа ткнулся в его галеру бортом. К своему ужасу, Фемистокл почувствовал, что не может сдержать Кимона.

– Я сказал Ксерксу, чтобы он разделил свой флот и направил половину вокруг острова Саламин и что, если он так сделает, нам придется сдаться.

– Предатель, – прохрипел Кимон. – На глазах у всего народа? Я прибью твою голову к своему тарану.

– Молчи, щенок! – прорычал Фемистокл. – Если Ксеркс сделает, как я просил, он разделит свой флот, ты понимаешь? Воспользуйся умом, который унаследовал от своего настоящего отца. В нынешнем положении мы победить не можем. Они перемальвают нас, как камень железо. Рано или поздно камень сотрется в пыль. Ксантипп, скажи ему, пока мальчишка не убил меня в приступе гнева.

Кимон вырвал меч из ножен, и Фемистоклу пришлось уступить. Но молодой человек все же был сыном Мильтиада, который сражался в битве при Марафоне бок о бок с Ксантиппом и Фемистоклом. И он не потерял рассудок в пылу момента. Кимон посмотрел на Ксантиппа. Фемистокл отступил, украдкой потирая пальцы.

– О Фемистокле много чего можно сказать, – заметил Ксантипп. – Но я не верю, что он предатель. – Стратег бросил взгляд через пролив, туда, где по меньшей мере половина персидского флота ждала своей очереди, чтобы вступить в бой. – Хотя я и спрашиваю себя, не решил ли он даже в разгар войны позаботиться о собственном будущем. Если Ксеркс сделает, как ты предлагаешь, и победит, будет ли он благосклонен к тебе, Фемистокл? Думаю, будет.

– Если он примет мое предложение, то разделит флот, – отрезал Фемистокл. – Вот что важно. Мы с тобой испытывали новые корабли в водах возле Саламина. Насколько я помню, нам потребовался почти целый день, чтобы обойти его на веслах и парусах. Восемь или десять

часов. Имея в своем распоряжении столько времени, мы получим шанс... И тогда ты, Ксантипп, будешь у меня в долгу.

– Я буду у тебя в долгу? – тихо спросил стратег. – У человека, стараниями которого меня изгнали из Афин?

– У человека, который вернул тебя из изгнания, хотя мне пришлось согнуть ради этого половину собрания! – воинственно выдвинув подбородок, заявил Фемистокл.

Пока эти двое рычали друг на друга, Кимон напрягся, всматриваясь в даль, а потом вдруг схватил Фемистокла за плечо, развернул его и поднял свободную руку:

– Посмотри туда, Фемистокл! Они заглотили твою наживку.

Кимон взирал на него с благоговением, забыв о недавних насмешливых обращениях «отец» и «старина».

Вдали от шума битвы сотни кораблей отделились от основной группы и медленно двинулись на юг. Фемистокл наблюдал за ними с лихорадочным блеском в глазах, не веря себе и опасаясь, что вот сейчас они остановятся и разрушат его надежды. Три афинянина молча ждали, наблюдая за персидскими галерами, пока те не обогнули Саламин и сомнений в их намерениях уже не осталось.

– Нам не на что было рассчитывать, Ксантипп! – заговорил Фемистокл. – Но сейчас – если повезет – у нас есть восемь или десять часов до рассвета. Если бросим все силы, то, возможно, сумеем прорваться через оставшихся. Афина и Посейдон смотрят на нас.

– Надеюсь, что так, – согласился Ксантипп. – Хорошо.

Он кивнул, обдумывая возможность, которую дала им эта уловка. Ксеркс отослал свежие корабли далеко от места битвы. Если сражение можно выиграть до того, как они вернуться, разве важно, откуда они придут? Союзники, пусть и ненадолго, получили небольшое преимущество, и обеспечил его Фемистокл.

Ксантипп сжал руки товарищей. Каждый знал, что поставлено на карту, и они не произносили речей. Пока еще пролив кишел персидскими кораблями, как креветками.

Повернувшись, Ксантипп шагнул на палубу своей триеры, где его поддержали гоплиты. Келейсты на кораблях слышали каждое слово только что состоявшегося разговора и уже прокричали гребцам команду приготовиться. Внизу загрели весла.

– Отпустить канаты! – проревел Фемистокл. – Приказ – атаковать! Передать всем! Каждой группе, каждому кораблю – всем атаковать. Без остановки! Выполняйте! Не останавливаться, пока все не закончится. Выполняйте приказы! Пошады не давать! Драться, пока не победим!

Кимон перепрыгнул на галеру, его люди оттолкнулись веслами от корабля Фемистокла и собрали канаты. Триеры разошлись. Команды смотрели одна на другую в мрачной сосредоточенности. Враг группировался в устье пролива. Получив четкие приказы, три эскадры выстроились навстречу противнику, подбирая по пути отдельные корабли. Фемистокл и спартанцы составили правый фланг численностью в шестьдесят галер. Ксантипп оказался в центре, имея примерно такие же силы. Кимон сгруппировал слева потрепанных коринфян и добавил к двадцати своим галерам.

Они собрали все, что еще плавало, всех слабых и измотанных, объединив тридцать небольших государств. Приказы передавались голосом, от корабля к кораблю, и были просты и понятны: атаковать строем, пока вторая половина персидского флота идет вокруг Саламина. Это была гонка со временем, и греки, налегая на весла или склоняясь навстречу ветру, обращались к своим богам.

На берегу Ксеркс с растущей тревогой наблюдал за перемещающимися массами кораблей. Он поднялся со своего места, когда весь греческий флот, держась единым строем, подошел ближе. И вдруг они устремились вперед – в белых брызгах, оставляя за собой кильватерный

след из обломков и мертвецов. Некоторые его капитаны пытались свернуть от надвигающейся эскадры. Другие попробовали прорваться через нее, рискованно подставляя грекам бока. Маневры персидских кораблей напоминали нервные рывки и беспорядочные метания. Не понимая, как действовать против плотного строя и не получая четких приказов, они не знали, что делать.

Царь в ужасе наблюдал, как его флот терпит поражение от врага, не превосходящего его численно, но каким-то образом оказавшегося способным на невероятные подвиги. Что подтолкнуло греков? Безумие их собственных богов? Дым над Афинами? Народ, ожидавший исхода сражения на острове по ту сторону пролива? Ксеркс не знал. Греки и раньше сражались с отчаянием обреченных. За последний час что-то изменилось.

В безумной надежде узреть чудо и триста военных кораблей, стремительно приближающихся к проливу, Ксеркс посмотрел на запад. Солнце опускалось, и он прикрыл глаза ладонью от яркого красно-золотого неба. Море было чистым до самого горизонта, если не считать мертвых. Внезапно почувствовав слабость в ногах, царь рухнул на сиденье трона.

Воздух наполнился щепками и обломками досок, и Фемистокл взвыл от восторга. Треск и грохот напоминали раскаты грома. Он видел, как персы в панике мечутся туда-сюда по палубе. Некоторые, пользуясь тем, что корабли проходили мимо друг друга, пытались перепрыгнуть на палубу греческой триеры. Одних убили закаленные в боях гоплиты, другие были отброшены щитами на сломанные весла. Столкновение – и струя морских брызг, холодный ад острых осколков и треск бревен, как скрежет зубов, перемалывающих персидских гребцов.

Словно отмахиваясь от воробья, Фемистокл отбил летевшую в него острую щепку. Проходя мимо персидского судна, бронзовый таран его триеры ломал весла, калеча гребцов. За треском и хрустом дерева, за плеском волн Фемистокл слышал их крики и ликовал. Тройной строй уже нанес непоправимый урон вражескому флоту, отправив на дно десятки кораблей. На его глазах персидский корабль перевернулся, когда капитан слишком резко вильнул от греков. Весла с одной стороны ушли внутрь, и судно отправилось на дно, не получив ни единого удара. Впрочем, как это произошло, значения не имело. Те, кто был внутри, все равно утонули.

Сражение продолжалось, и результаты его становились все явственнее. Фемистокл боялся поверить, в какой хаос повержен вражеский флот и насколько хорошо все получается, когда они трое – он, Ксантипп и Кимон – действуют согласованно, когда есть ясный приказ и четкая стратегия. Фемистокл испытал дикую радость, оставив без весел еще одного перса, которого отправила на дно следующая шеренга. Восемь спартанских кораблей шли в его кильватере, и он надеялся, что на одном из них под красными парусами плывет сам Эврибиад и собственными глазами видит результаты афинского командования, афинского серебра, афинской хитрости!

Фемистокл посмотрел на берег – молодой царь поднялся с места и вышел из воздвигнутого специально для него шатра. Будь у них лучник, достойный своего жалованья, смогли бы они подвести афинский корабль поближе к берегу? Конечно, Ксеркс отступил бы, едва заметив угрозу, но, может быть, лучник успел бы сделать первый выстрел? Идея выглядела заманчивой, но Фемистокл вздохнул, посмеиваясь над собственным безумием и усталостью. Голова шла кругом от изнеможения, и ему хотелось кричать, смеяться или плакать.

Смех замер в горле, а в уме уже рождался другой план. Он и его флот за несколько часов сломали хребет врагу. Солнце садилось, став лишь золотым отблеском на западном горизонте, в его последних лучах проступили багровые и серые оттенки, вытянулись тени. Но у персов еще оставалось около сотни военных кораблей, а скорость греческой эскадры заметно упала. На веслах сидели люди. Всего лишь люди. Как бы ни призывали командиры отдать последние силы, для гребцов выбор был прост: отдохнуть или умереть. Некоторые уже стали тенью себя прежних – бессильными, вялыми, с запавшими глазами. Тут требовалось что-то другое, что-

то, что дало бы им передышку до прибытия второй половины флота великого царя – персов с налитыми кровью глазами, жаждущих отомстить за унижение и обман.

Фемистокл потер колючий, заросший щетиной подбородок и попытался, но не смог вспомнить, когда ел в последний раз. До того рассвета, с гребцами? Необходим еще один пере-рыв, чтобы раздать миски с едой...

Он ухмыльнулся собственной дерзости, поняв, что должен сделать, и посмотрел на корму, где лежали готовые к использованию свернутые сигнальные флаги. Времени на то, чтобы призвать Ксантиппа и Кимона, уже не было, даже если бы они и подоспели в такой критический момент, когда враг готов к прорыву. Впервые в этом сражении греки наконец-то добились численного перевеса, и с каждым мгновением их преимущество увеличивалось. Но все же темп снизился. Он увидел, как теряется слаженность движений, – весла сталкивались над водой и бессильно падали на волны. Он будто снова стоял на Марафонском поле, наблюдая, как дрожит вражеский строй и судьба битвы висит на волоске.

Фемистокл стиснул зубы. Как бы они ни отнеслись к этому, как бы ни оценили потом, он должен сделать все сам. Он поискал глазами парнишку, которого отправлял раньше, и поморщился, поняв, что персы его не вернули. Фемистокл помолился за него, надеясь, что посыльного, по крайней мере, освободили.

– Приведи мне гребца, который умеет плавать. И нагрей еще раз жаровню, а потом подай папирус и немного воска. Мне нужно отправить второе сообщение.

Кое-кто из команды слышал его разговор с Ксантиппом и Кимоном. Они точно знали, что он уже сделал и чем рисковал, чтобы добиться победы. К своему удивлению, Фемистокл услышал, как они посмеиваются и шутят, что у него возник еще один план. Словно дети в праздничный день, они хлопали друг друга по спине, передавая, чтобы позвали гребца. Фемистокл медленно вдохнул и постарался успокоиться. Первым письмом он добился того, что отправил с поля битвы половину вражеского флота. Второе, чтобы сработать, должно было стать шедевром убеждения.

Глава 6

Как это часто бывало в детстве, темнота принесла страх. Ксеркс расхаживал перед шатром, и песок хрустел под ногами. За его спиной виднелось далекое зарево – там все еще горели Афины. Через пролив бежала лунная дорожка. Вот только прежнее настроение, недавнее ощущение покоя и умиротворения, ушло без следа. В тревоге и волнении он снова и снова тербил складки одежды.

Посланные вокруг Саламина корабли пока не появились. Прежде чем погас последний свет дня, он отправил людей пройти вдоль побережья. Вернувшись, они доложили, что никаких признаков флота не обнаружили и никаких кораблей – ни под парусом, ни на веслах – не увидели.

Ксеркс благословил Фемистокла за попытку быстро закончить битву, но цена была слишком высока.

Шум сражения сошел на нет. Даже в свете луны невозможно мчаться на полной скорости на таран, если не уверен, что темный силуэт на воде – враг, а не друг. Толком отдохнуть тоже не получалось из опасения, что греки подберутся в темноте, перепрыгнут на палубу и убьют спящих. Ни о каком перемирии на несколько часов стороны не договаривались. Издалека время от времени доносились внезапные сердитые крики – и на греческом, и на персидском. Там, над глубокой водой, висел страх. В большинстве случаев и те и другие предпочитали поднять весла, уклониться от боя и отступить в темноту.

Несколько кораблей встали на якорь недалеко от Саламина, затерявшись на его темном фоне. Кто-то остался на вахте, большинство же мужчин храпели на палубе. Афиняне, как чайки, сбились в группки на дюнах и, измученные дневным бдением, спали.

На берегу, у порта Пирей, на фоне тусклого зарева догорающих Афин Ксеркс не находил себе покоя. Его «бессмертные» ждали на береговой полосе и песчаных спусках, неотрывно глядя через пролив. Остальная часть армии мирно спала, отдыхая после многодневного тяжелого марша и разрушения городских стен.

Сцепив руки за спиной, Ксеркс покачивался с пяток на носки, не замечая, что копирует этим отца. Слишком много галер утонуло у него на глазах, чтобы он мог испытывать хоть какое-то удовлетворение. Сейчас у Саламина осталось менее сотни кораблей, и потери – как людские, так и материальные – представлялись невероятными. Греки сражались на море так, будто в их венах текла не кровь, а соленая вода. Невидимый в темноте, он покачал головой, словно отгоняя зло. Тысячи воинов в этот день утонули или пали от меча, воюя ради него. Он гордился их преданностью и жалел лишь о том, что его отец не видит их жертву.

Ксеркс многому научился, и в частности узнал, что флот – это нечто гораздо большее, чем средство для перевозки людей и лошадей. Флот мог сражаться, как стая рыб, атакая, нанося удар и отступая.

Греки применили тактику и стратегию, которых он никогда прежде не видел. Ни один из его капитанов не сделал ничего подобного. С помощью флагов греки обменивались сигналами, почти как на поле битвы, вызывая корабли или отправляя их куда-то далеко. Ксеркс резко взмахнул рукой, рассекая воздух. Разум цеплялся за мелочи, копался в деталях, снова и снова переживая унижение. Царь громко застонал. Нет, ему не сравниться с отцом. И уснуть в эту ночь уже не удастся. Покой не для него.

Несомненно, греки гребли и сражались до полного изнеможения. Трудно сказать, было ли им так же тяжело, как и его капитанам. Когда они объединились, образовав трезубец, сражение превратилось в избиение. Буквально у него на глазах враг совершенствовался и обретал уверенность, разделявая его флот, как рыбак рыбу. Милостью Ахурамазды за ним остался долг мести.

«Это еще не конец», – сказал себе Ксеркс, хотя его уже глодало отчаяние.

Если на рассвете в пролив войдет вторая часть его флота, греки могут сдаться. Обсуждая это с Мардонием, он представлял, как позволит себе проявить к ним милосердие. Возможно, поэтому они так упорно отвергали ошейник. Когда собака кусает руку, которая держит ее за шею, трудно не подавить ее сопротивление с такой силой и яростью, что она либо умрет, либо подчинится. Ксеркс ощущал в себе эту потребность, картины мести разворачивались в его воображении, как щупальца. Он сожжет греческие корабли вместе с командами. Как только они сдадутся. Он сделает это, чтобы преподать урок тем, кто наблюдает за происходящим с холмов и песчаных отмелей Саламина. Царь видел их через пролив, они весь день махали руками, поддерживая и подгоняя своих. Непростительное поведение, недостойное проявление чувств. Он подумал о том, чтобы наказать женщин, и, к своему удивлению, ощутил возбуждение. Впрочем, оно исчезло так же быстро, как и появилось, оставив холод и онемение.

Словно ребенка, объевшегося меда, Ксеркса тошнило от сладости. Лишь представляя, как сокрушит врагов, он испытывал пьянящее чувство восторга, и образы, возникавшие в его воображении, были такими яркими, что затмевали реальный мир.

Царь придержал сладкий бег мыслей, хотя сделать это было так же нелегко, как стреножить дикую лошадь, и нахмурился. В лунном свете по песку вышагивал Мардоний, которого сопровождали два царских стража и глашатай. Приблизившись, небольшая группа пала ниц и распласталась на земле, словно разом сраженная насмерть. Ксеркс выждал мгновение-другое, после чего знаком позволил им подняться.

– Повелитель, наш союзник в греческом флоте прислал еще одно письмо, – сказал Мардоний. – К сожалению, стражники убили гонца, приняв его за лазутчика или подосланного убийцу. Однако мне принесли пакет, что был при нем. Мне жаль, великий царь. Я приказал, чтобы виновных выпороли.

Какое бы раздражение ни испытывал Ксеркс, оно испарилось при этом известии.

– Не будь к ним слишком строг, – милостиво сказал он. – Моя безопасность – их первейший долг. Я предпочитаю, чтобы они действовали чересчур решительно, чем слишком вяло.

– Твое милосердие безгранично, великий царь.

– А послание, где оно? От нашего союзника Фемистокла? – нетерпеливо спросил Ксеркс, лелея надежду, как бы нелогично это ни казалось.

Голову его словно зажали чудовищные тиски, и больше всего он хотел освободиться от этого давления и увидеть четкий путь, которым можно было бы следовать.

– Оно здесь, повелитель, – бесцветным, как ночь, голосом ответил Мардоний и протянул царскому глашатаю один-единственный лист папируса.

Не дожидаясь распоряжения, стражник поднес факел так, чтобы свет падал на страницу, при этом держа его на безопасном расстоянии.

Взяв папирус дрожащими пальцами, глашатай начал читать:

– «Великому царю Персии Ксерксу, повелителю всего... Знай, что капитаны моего флота осмелели от сегодняшних успехов. Я надеялся увидеть, как твои корабли закроют пролив до наступления темноты, чтобы я мог попросить о прекращении сопротивления и сдаче и получить почести за службу. Вместо этого мои люди говорят сейчас о том, чтобы отрезать тебе путь к отступлению и удержать здесь. Они рассказывают о большом мосте из кораблей и говорят, как легко было бы... – Тут глашатай вытер пот со лба и, взглядываясь в папирус, продолжил: – ...уничтожить такое сооружение и запереть твою армию в Греции, оставив ее без снабжения. Возможно, уже этой ночью сто капитанов направятся для этого на восток. Великий царь, говорю как твой самый преданный слуга. Если они узнают, что я предупредил тебя, мне не жить. Надеюсь, ты воспользуешься тем, что я сказал, чтобы принести мир. Надеюсь также, что ты вспомнишь тогда, кто был другом твоего благородного дома и империи. Фемистокл».

Глашатай закончил, и Ксеркс ощутил неприятный трепет в груди. Воцарилась мертвая тишина.

– Они могут это сделать? – спросил наконец царь. – Они действительно могут разрушить мой мост?

Мардоний задумался лишь на мгновение. Ответ требовал немалой смелости. Сказать правду было все равно что запереть дверь и остаться в комнате наедине со склонным к насилию человеком. Похоже, греки чувствовали себя увереннее, чем он предполагал.

Прежде чем заговорить, Мардоний ненадолго закрыл глаза. Ему вдруг стало не по себе.

– Так и есть, повелитель. Охранять мост мы оставили байварабам – десять тысяч воинов, но... да, если греки возьмут сотню галер, они смогут разрушить мост. Мы уже видели однажды, что бывает, когда на связанные корабли обрушивается шторм. Достаточно одного обрыва – и буря разметает обе части. Чтобы разрушить морскую дорогу, много усилий не потребуется.

Ксеркс невольно поежился, хотя его бросило в жар и по щеке скатилась капля пота. Он привел с собой армию и флот, превосходящие все армии, что мир знал прежде, но греки отказались сдаться. Они стояли насмерть в проходе у Фермопил, где волны разбивались о берег. А в море они только окрепли и становились сильнее с каждым потопленным кораблем. Они сражались совместно, составляя смертельный строй, и отправляли на дно его людей... Впервые Ксеркс задумался о том, что может не сломить их, что может не победить. Ужас этого раскрылся перед ним пропастью, и он содрогнулся от ее глубины, но тут же, устыдившись собственной слабости, отвернулся, глядя в ночной мрак.

Мардоний не произнес больше ни слова. Все ждали последнего повеления царя, его выбора. Вот в чем и слава, и проклятие царской крови. Что бы ни решил Ксеркс, они выполнят. Если бы он приказал Мардонию покончить с собой, полководец вытащил бы клинок и сделал, как велено, без возражений. Он распоряжался их судьбами, но не ожидал, что его собственная окажется под угрозой. Мысль о том, что греки сговорились не отпускать его, словно топором рубанула по его корням, встревожила и даже испугала. Оставалось только благословлять имя Фемистокла, который предостерег его, поставив даже выше собственного народа. И Ксеркс принял решение.

– Верный Мардоний, у тебя есть армия из сорока племен: мои «бессмертные», войска лидийцев, мидийцев, египтян, ассирийцев, персов – всех народов империи. Моя элита. Твои собственные сыновья едут с ними. Ты и они – вы заслужили мое доверие во всем.

Мардоний предпочел снова пасть ниц, пряча боль, которую причинил ему этот странный тон. Он не знал, к чему клонит молодой царь, но уже оторопел и сник. Ксеркс говорил почти мечтательно. Греки подорвали его уверенность, чем разбили сердце старому воину, хотя он все понимал. Мардоний тоже был свидетелем сражения при Фермопилах. До того момента он не верил, что у персидских воинов есть равные. То, что они с Ксерксом увидели в последние несколько дней, потрясло обоих.

– Встань, Мардоний, – приказал царь; уверенность уже вернулась к нему. – Я не могу допустить, чтобы они разрушили мост. Итак, вот мой приказ. Ты командуешь всей армией и флотом. Уже через месяц зимние штормы сделают невозможным наше возвращение домой. Для меня лучше уйти сейчас, чем быть... запертым здесь. Да, таков мой приказ. Я вернусь домой, чтобы охранять мой мост и мой народ. Я буду царским щитом. И когда все закончится, я буду чтить тебя и твоих сыновей превыше всех остальных. Будь моим голосом. Принеси мне победу – и я отдам тебе в управление город. Клянусь в этом перед свидетелями.

У Мардония перехватило дыхание. Он знал – с самым любимым представителем бога на земле лучше не спорить. От Ксеркса разило страхом, царь дрожал в лунном свете, как юная девушка накануне свадьбы. Его отец Дарий никогда бы не сбежал, несмотря ни на какую угрозу! Все выглядело так, что первые же неудачи похода выявили какую-то большую слабость.

Мардоний понимал, что и у сильных людей сыновья иногда бывают пустышками. Даже один из его собственных не оправдывал надежд и слишком рассчитывал на положение и власть отца, вместо того чтобы добиваться всего самому.

Однако больше полководец думал о Ксерксе. Не ослепили ли его самого поведение и уверенность, проявленные сыном Дария дома? Возможно, Ксеркс всегда был слабым. Война проверяет людей и выявляет их достоинства и недостатки. Но война не лепит их.

Молчание тянулось, казалось, целую вечность. Молодой царь нахмурился и уже смотрел на полководца почти с вызовом. Мардонию хотелось заговорить, но он мог только беззвучно шевелить губами. Мысли приходили и уходили вместе с дыханием.

– Великий царь, я повинуюсь, – наконец выдал он из себя.

Разве это не были те единственные слова, которые от него требовались?

Но, позабыв об осмотрительности, он в спешке продолжил:

– Мы ведь сожгли Афины, повелитель. Это великий триумф! Наша армия осталась непобежденной. На перевале мы потеряли не более двадцати тысяч человек. Прошу о милости. Позволь мне отправить обратно моего первого помощника – Артабаза! Позволь ему обеспечить безопасность моста. Умоляю, не лишай нас своего света. Если ты останешься, я принесу тебе победу, клянусь.

Царь не ответил, и Мардоний похолодел, прозрев, что зашел в своем упорстве слишком далеко. Какую бы слабость или трусость ни обнажили греки, Ксеркс по-прежнему оставался великим царем, правителем сорока стран, простирающихся до самых пределов мира.

Ему нельзя было противоречить, и Мардоний понял, что его жизнь висит на волоске. Он пал ниц, прижав руки к голове, и замер, дыша в песок.

Выждав, чтобы старик осознал, чем вызвал неудовольствие правителя империи, Ксеркс велел ему подняться.

– Хочешь сказать что-нибудь еще? – спросил царь.

– Нет, повелитель, – ответил Мардоний. – Я повинуюсь. Всегда будет по слову твоему. Что бы ни пришлось сделать, я не успокоюсь, пока греки не сложат оружие.

– Благословение небес, что ты у меня на службе! – сказал Ксеркс тихо, но с угрозой, и рот его перекосило от гнева. – Решение принято. Царь... распоряжается миром так, как считает нужным. Мне нет надобности смотреть, как ты выполняешь мои приказы. Я привел тебя сюда. Исполни мое повеление! Принуди их к подчинению, поставь на колени. Я хочу, чтобы они помнили меня.

Царь отвернулся и направился к дороге, которая вела в город, до сих пор пылающий в ночи. «Бессмертные» в белых доспехах выстроились рядом с ним в колонну. Их шаги звучали глухо, не отдаваясь эхом на открытой местности. Мардоний смотрел им вслед, и мир рушился вокруг него.

Рассвет наступил позже, чем летом, хотя небо было ясным, воздух теплым, ветерок мягким. Корабли плавно покачивались на якоре у берега или в проливе. Сначала тьму рассеяла осторожная серость. Сонные, позевывающие мужчины выстраивались вдоль борта, чтобы помочиться. Некоторые с угрюмым выражением тянулись на корму, откуда опорожнялись кишечник прямо в воду пролива. Тем временем плотник и его мальчишка разогревали куски тушеного мяса, разворачивали тряпицы с бобами, по крепости более похожими на камень, чем на что-то съедобное. После добавления свежей воды и соли полученную массу перемешивали и разогревали на жаровне. Еды постоянно не хватало. Гребцы ели, как гончие, глотали пищу большими кусками, давились, кашляли и краснели. Все похудели, и мышцы веревками бугрились под обвисшей кожей.

На палубу подняли последние бочонки с водой, драгоценное содержимое проверили на вкус. В одном вода оказалась испорченной, в ней плавали длинные нитевидные черви. На глазах у облизывавших пересохшие губы мужчин воду вылили за борт. Оставшуюся смешали с вином. Пока не стало жарко, каждому гребцу давали по два полных ковша. Когда подходило время сменяться, бочонки были почти пусты. Никто не ожидал, что придется оставаться в море так много дней. Обычно они без труда находили родники – даже те ключи, которые изливались в море под поверхностью, – проходя вдоль побережья. Местные мальчишки запоминали места, где, купаясь летом, попадали в ледяную струю.

Постанывая и кряхтя, люди занимали места за веслами на гребных скамьях в тесном трюме. Лопались вчерашние мозоли, скрипели в уключинах весла. В струпья и ссадины втирали свежее масло, но легче от этого не становилось. Под протестующий хруст суставов люди всматривались впавшими, в темных кругах глазами в наступающий новый день и не понимали, как можно выжить.

Фемистокл стоял на палубе лицом к восходящему солнцу. Впитавший позолоту свет быстро разлился по суше и морю. Но поверить в то, что открылось взору, было трудно. Ночь выдалась беспокойной, сны сменяли друг друга, и эта утренняя картина казалась эхом чего-то мелькнувшего в ночи.

Накануне флот и капитаны-триерархи сотворили чудеса. Они сражались как львы за него – и за любимых, за тех, кто смотрел на них с берега. Не было ни одного человека, который не отдал бы всего себя, – и результатом стало крушение вражеских надежд. В груди разлилось тепло, а мочевой пузырь сжался, напоминая о себе. Фемистокл ждал рассвета с опаской и надеждой, вопреки всему рассчитывая, что письмо персидскому царю произведет нужное впечатление.

чатление. Фемистокл не смел мечтать о многом. Идея заключалась в том, чтобы убедить царя отозвать дюжину или две кораблей, которые, оставшись, могли отправить на дно несколько греческих триер.

Но море было пустынным. Пока Фемистокл с удивлением смотрел по сторонам, на палубе собирались люди. Новость уже распространилась, и внизу раздались радостные крики, вскипевшие волной, когда команды поняли, что случилось.

Царский шатер на берегу исчез. Ксеркс и его стражники вместе с сотней кораблей ушли еще до рассвета. Как борец-победитель, Фемистокл вскинул руки в триумфальном жесте. Получилось! Он сыграл в свою игру и победил. Расчет оправдался полностью.

И тут же первый, торжествующий крик утонул во втором, громком и нисколько не радостном. Десятки людей на других триерах указывали на что-то, повернувшись лицом на запад, прочь от восходящего солнца, туда, куда падала его собственная тень. Крики доносились и с дюн Саламина. Женщины и дети предупреждали отцов, мужей и братьев о новой опасности. В пролив входила вторая половина персидского флота, те корабли, что обогнули остров, пройдя по неведомым водам, рискуя наткнуться на скалы и скрытые отмели. Фемистокл слышал собственный рык. Триста кораблей – более шестидесяти тысяч человек – двигались по проливу с явным намерением напасть на греков. Но они, эти шестьдесят тысяч, еще не имели опыта и не прошли испытание боем.

Свирепая ухмылка растянула его губы. Эти корабли ушли, когда греческий флот держался из последних сил. И вот теперь они вернулись и застали тот же флот, потрепанный и понесший потери, но научившийся сражаться и побеждать.

– Подайте сигнал моей группе – подойти ко мне. Всем приготовиться и атаковать – в строю. Равнение на Ксантиппа, Кимона, Эврибиада. На меня. Они пришли воевать. Дадим же им то, чего они хотят.

Приказ отозвался эхом радостно ревущих голосов. Мужчины ухмылялись понимающе и смотрели на Фемистокла с каким-то благоговением. Его команда знала, чего он достиг, хотя никто другой пока еще даже не догадывался об этом. С легким сердцем взяв копье и щит, Фемистокл потер лицо; на щеках белой стерней прорезалась щетина. После вчерашних трудов он чувствовал себя постаревшим лет на двадцать. Но он дал людям то, в чем они отчаянно нуждались, – шанс на победу. Спартанцы, услышав о двух письмах, назвали бы это афинской хитростью, но от возможности, которую он предоставил им всем, не отказались.

Повинуясь внезапному порыву, Фемистокл опустился на колени. Еще с десятков мужчин прервали свои приготовления и последовали его примеру, коснувшись коленом палубы.

– Афина, ты оберегла нас. Позволь нам отомстить тем, кто этого заслуживает. Я прошу твоего благословения для этого корабля, для этой верной команды. Дай нам силы закончить начатое и спасти наших женщин и детей. Я прошу от твоего имени. Я прошу благословения Ареса и могущественного Посейдона. Позвольте нам быть вашим копьем и мечом. Позвольте нам быть вашим ответом.

Он поднялся, открыл глаза и понял, что воины и гребцы внизу читают со склоненной головой собственные молитвы или повторяют его слова. Он видел их решимость. Они были его людьми. Несмотря ни на что и вопреки всему, они не уступят – по крайней мере, в этот день.

Глава 7

Идя по главной улице Элевсина, Аристид всячески старался скрыть признаки раздражения. Рядом с ним шел спартанский регент со сцепленными за спиной руками, в красном, развевающемся на ветру плаще-трибоне. Павсаний был тогда в первом цвете молодости и здоровья. Приподнятая, как казалось, постоянно бровь придавала его лицу сардоническое выражение, словно везде, куда бы он ни посмотрел, находилось что-то вызывавшее у него неудовольствие.

По другую сторону от афинянина шагал прорицатель Павсания – в подпоясанном хитоне и сандалиях, с обнаженными загорелыми руками.

«Эти двое идут, как молодые львы», – подумал Аристид.

Жизнь не терзала их, не ломала. Они не сомневались в своей значимости и своем месте в мире. Аристид не выказал признаков смятения, которое испытывал, имея дело с людьми относительно молодыми. Афины никогда бы не назначили регента моложе тридцати лет.

– Должен сказать, я огорчен тем, что не смог посмотреть мистерии, – сказал Павсаний. – Отец и дядя высоко отзывались о здешних ритуалах. Однако сам я никаких приглашений в святая святых не получал.

Для ушей Аристида голос регента звучал излишне резко, в нем постоянно прорезалась нота жалобного недовольства. Так и хотелось спросить, не считает ли Павсаний, что священный праздник должно провести заново по его прихоти. Богини, конечно, не стали бы слишком возражать или воспринимать это как насмешку, но Аристид сдерживался и молчал. Он уже упомянул причину, по которой они все оказались в Элевсине, за что получил отповедь, как будто нарушил некое правило хороших манер. Все, что от него требовалось, – это убедить человека, в чьей поддержке он нуждался. Дерзость и глупость Павсания никакого значения не имели. Аристид знал, что будет льстить и отпускать комплименты, делать все, что понадобится, чтобы завоевать расположение спартанца. Он постоянно напоминал себе об осторожности. Павсаний казался человеком отстраненным, невежественным в отношении манер, присутствующих знатным людям, которых знал Аристид, как будто значение имели только его собственные потребности и интересы. Но если Павсаний действительно чего-то не знал, то его прорицатель, как подозревал Аристид, был остер, словно обсидиан. В каждом брошенном им мельком взгляде, в каждой полуулыбке чувствовался ум.

Весть о гибели царя Леонида все еще распространялась по городам и весям эллинов. Для Аристида, как и для любого афинянина, сражение при Фермопилах было событием, в общем-то, банальным. Он знал, что спартанцы потеряли военного царя. Павсаний потерял дядю! Проявить уважение к такому горю было правильно и естественно. Но разве эта потеря могла сравниться с тем, что персидская армия учинила в Афинах, где она оскверняла священные места и гробницы, разрушала дома и стены?

Присутствие персов в своем городе Аристид ощущал тяжестью на плечах, будто плащ, который не мог сбросить, как бы это его ни тяготило. Он напомнил себе, что люди спасены и доставлены на Саламин. Остров был виден из Элевсина – за сверкающей полоской разделяющего их моря. В этот самый момент, когда афинское собрание скандалило и шумело, Ксантипп был где-то там, среди них, с Фемистоклом и Кимоном. Их жены, матери и сестры наблюдали и молились. Аристид стиснул зубы. Пока там решалась судьба его города, ему приходилось играть в политику со спартанцами.

Он знал, что город – это нечто большее, чем улицы и рынок. Афины остались в воспоминаниях тех, кто жил в них. Стены, как и храмы, можно отстроить заново. Аристид чувствовал себя мужем, чья жена подверглась насилию. Персидские воины ходили и мочились в пыль его города, и все, что он мог сделать, – это ждать на нейтральной территории, пока Павсаний не согласится встретиться с ним.

Аристид испытывал напряжение как давление чужой руки, сжавшей ему горло. Он ожидал, что будет иметь дело с Леонидом, человеком с огромным опытом, известным своей мудростью. Брат царя тоже слыл таким человеком, хотя, похоже, Клеомброт был слишком стар или слишком болен, чтобы стать регентом. Павсаний отвечать на этот вопрос не соизволил и отмахнулся от него как от дерзости.

Они спускались с холма, когда молодой регент нахмурился, глядя на море и прикрывая глаза ладонью, чтобы мельком увидеть флоты. Саламин на таком расстоянии представлял размытым холмистым пятном, но море уже приносило к берегу свидетельства сражения.

Как утолщается слой сурьмы, нанесенный на женские глаза, так утолщалась прибрежная полоса из мертвецов и деревянных обломков. Такая картина требовала хоть какого-то отклика, но вывести спартанца из состояния самодовольства не получалось. Аристид не мог взять Павсания за плечо и заставить его взглянуть на происходящее по-другому, посмотреть и понять! Аристид снова ощутил брошенный исподлобья взгляд прорицателя Тисамена. Жрец был безоружен, хотя, возможно, это не имело значения, учитывая, что оружия хватало у обвешанного им Павсания и следующих за ними спартанских стражников.

Еще один день потерян, еще один шанс упущен. Аристид подавил поднимавшееся отчаяние. Одно было ясно наверняка: просить спартанца о помощи невозможно. Аристид почувствовал это с первых мгновений. Павсаний был из тех, кому доставляло удовольствие с ухмылкой отворачиваться от нужд Афин. И тем не менее его необходимо было убедить, для чего в первую очередь требовалось набраться терпения. Аристид выдохнул. Ради своего народа он был готов.

Праздник богинь завершился всего лишь днем ранее, после целого месяца обрядов, ритуалов и жертвоприношений Деметре и ее дочери Персефоне. В ожидании прибытия делегации из Спарты Аристид и сам принял участие в некоторых процессиях. За недели, что минули с тех пор, как он вышел из Афин с восемью тысячами гоплитов, Аристид успел хорошо ознакомиться с городом. Его отряд всего за одну ночь удвоил местное население, по крайней мере до начала осенних празднеств. Элевсинские мистерии несколько не изменились, хотя он в последний раз почтил вниманием улицы и скромные храмы этого города много лет назад. Аристид прошептал священные слова, которые давались только тем, кто был допущен во внутреннее святилище храма. На него посмотрели с завистью.

В морском воздухе маленького городка витали ароматы нарцисса и граната. Ветер собрал лепестки цветов в кучки, уже начавшие темнеть, по мере того как жизнь покидала их. Толпы тоже редели, мужчины и женщины расходились по домам. При виде спартанцев, вышагивающих по городским улицам, они невольно прибавляли шагу. Война витала в воздухе вместе со слухами и страхом. Изможденные и немые нищие на углах предупреждали о конце света, зывая с закрытыми глазами к богам и протягивая руки за подаванием.

Аристид чувствовал неодобрение идущих рядом с ним спартанцев. Впрочем, нет, напомнил он себе. Спартиатом по крови был только Павсаний. С Тисаменом не все обстояло так просто. Отрицать способность знать будущее – дело трудное. Боги наделяют этим даром лишь нескольких мужчин или женщин в каждом поколении. Аристид видел, как вплетены в его собственную жизнь и жизнь его народа пророчества дельфийского оракула. Что такое флот, если не «деревянные стены», которые, как однажды сказал оракул, спасут его город?

Вот только ясноглазый и подтянутый Тисамен больше походил на воина, чем на святого или отшельника, живущего в пещере. Казалось, ему не чужды юмор и симпатия, что выглядело как-то неуместно и непривычно. Вряд ли возможно наслаждаться обществом того, кто видит сквозь завесу искусственности. Блеск глаз и легкий изгиб губ выдавали в Тисамене именно такого человека. Сходство с отшельником добавляла сдержанность в словах, как будто он нарочно позволял Павсанию говорить за них обоих. Аристид знал, что спутники составляют о нем мнение, но никак не мог на это повлиять.

Вместе они добрались до большого храма Деметры у подножия холма. Колонны из кремневого камня шириной с телегу у основания тянулись вверх, и четверо мужчин не смогли бы их обхватить. Внутри пели жрицы, но огромные двери оставались закрытыми. Павсаний, протянув руку, положил ладонь на деревянное полотно.

День выдался холодный, хотя, конечно, спартанец делал вид, что не испытывает никаких неудобств. Он очень хорошо знал, что Аристид ждет от него ответа. Афинянин боялся, что Павсаний в конце концов принудит его просить, а потом все равно откажет. Или все-таки он ошибся в своем суждении о регенте? Без спартанской армии Афинам было не обойтись.

– Мне говорили, – сказал Павсаний, – что допущенным в святая святых предлагают какой-то напиток, который действует на человека сильнее, чем вино.

Спартанец говорил с наигранным безразличием, хотя хитрость его была очевидна. Настроение у Аристиды испортилось еще больше. Были вещи, достать которые он не мог даже для регента.

– Чтобы войти, – ответил Аристид, – чтобы получить разрешение войти в святая святых, проситель должен провести целую зиму в молитвах богине, приходя каждый день до рассвета. Он также должен выучить стих из Малых мистерий и повторять его каждое утро на восходе солнца, полностью и без единого изъяна. Если он – или она – пропустит хотя бы один день, идти дальше не позволено.

– Тебя допускали? – спросил Павсаний.

Он мельком взглянул на Аристиду, прекрасно понимая, что афинянину нужен его собственный ответ. Да, подумал Аристид, жестокости этому молодчику не занимать. Боги капризны, и Павсания они возвели наверх как раз тогда, когда потребность в нем обострилась до крайности.

– Меня допускали. В первый раз – когда я был еще молод. С тех пор еще несколько раз. Да, есть особый напиток, хотя некоторые от него отказываются. Я не доверяю своим воспоминаниям о том первом разе, хотя они были весьма... яркими. Но, регент Павсаний, я бы...

– И еще нужно знать какую-то фразу? Я видел, как мужчины наклоняются к уху жрицы и что-то шепчут, после чего их пропускают во внутреннюю часть храма.

– Это правда, – признал Аристид.

Он боялся, что регент может потребовать те самые слова в обмен на то, что ему так нужно. Может быть, для него это все просто игра и не важно, что люди в это самое время сражаются и умирают, а статуи Афины разбивают молотками?

Заметив его беспокойство, Павсаний усмехнулся и махнул рукой:

– Не волнуйся, Аристид. Я сам заслужу эти слова... или нет. Выпытывать их у тебя я не стану. Разве тогда они имели бы какую-то ценность? Так, пустые звуки.

Он провел ладонью по деревянной двери, которая была в два раза выше его самого. Аристид почувствовал, как кровь прилила к лицу при мысли о том, что его могли заставить выдать секреты Деметры. А учитывая, что на кону стояло выживание Афин... да, он мог бы, пожалуй, и не отказать.

– Что ж, я увидел достаточно, – продолжил Павсаний. – Если только ты, Тисамен, не хочешь, чтобы я разбудил жриц. Если у тебя есть к ним вопросы, уверен, у них найдутся ответы.

– Я бывал здесь раньше, – сказал Тисамен.

Аристид отметил, что прорицатель не поклонился, но ответил как человек высокого положения.

– Я выполнил все требования, был допущен в святая святых и постиг великие тайны. Раскрывать их запрещено – это опасно для моей бессмертной души. Но то, что было... оно прекрасно.

Известие о том, что прорицатель тоже бывал в храме, не обрадовало спартанца. Двери все еще были закрыты для него. Регент постучал по дереву тыльной стороной ладони и отвернулся – едва ли не с укором.

Он направился обратно по главной улице. Теперь море было слева от него, а стражники шагали справа. Аристид считал себя терпеливым человеком, но сначала он целую вечность ждал прибытия Павсания, а теперь все выглядело так, будто спартанского регента совершенно не интересуют те причины, которые привели его сюда.

– Павсаний, ты подумал о вашей поддержке? – спросил Аристид.

Регент не ответил и просто шагал дальше, кивая как будто в глубокой задумчивости. Почему некоторым так нравится превращать все в поединок характеров? Аристид терпеть не

мог обращаться к кому-либо как нищий, с протянутой рукой. Спартанцу же явно нравилась власть над афинянином.

– Ты должен понять, Аристид, – сказал наконец Павсаний, – что народу Пелопоннеса Персия не угрожает. Наша стена через перешеек завершена – можно пройти от одного конца до другого и не найти пути обхода каменного укрепления, в три раза выше человеческого роста. Охраняют стену и железные ворота – единственный проход внутрь – спартанские воины. Работами руководил мой отец Клеомброт, и он же устроил там постоянный пост.

– Именно Клеомброт пообещал от имени Спарты поддержку против персидского вторжения, – быстро сказал Аристид. – Твой отец – человек чести.

Павсаний внезапно остановился и жестко, в упор посмотрел на Аристида. Впервые за все время перед афинянином стоял настоящий мужчина. Аристид выдержал тяжелый, пристальный взгляд.

– Эта клятва была дана перед смертью моего дяди и его личного войска в Фермопилах.

Аристид неплохо знал спартанцев, а потому предпочел промолчать. Наградой ему был румянец, заливший лицо и шею регента.

– Да, афинянин, – сказал Павсаний, как будто признавая правоту Аристида. – Клятва есть клятва. Мы люди чести.

– Мне так говорили. Так вы выйдете из-за своей стены? Зима не за горами, Павсаний. Огромная армия, как та, которую привел Ксеркс, умрет с голоду, если не соберет припасы. Близится тот день, когда им нечего будет есть. Тогда мы сможем вынудить их принять сражение, если вы исполните клятву, данную твоим отцом. Так вы присоединитесь к нам на поле битвы до наступления зимы? Ты выведешь свою армию, как было обещано?

– Мы строили стену не для того, чтобы выходить из-за нее, архонт, – огрызнулся Павсаний и, заметив, что Аристид обомлел от этих слов, продолжил: – Я не говорил, что мы не придем. Но это произойдет не в ответ на мольбы афинян, а в тот момент, когда мы будем готовы.

Лишь призвав на помощь все самообладание, Аристид удержался от резкого ответа.

– Регент Павсаний, я молюсь, чтобы это произошло поскорее. Не только ради афинян, хотя мы в тяжелом положении, но и ради всей Греции.

– Нет никакой Греции, – махнул рукой Павсаний, как будто отгонял назойливую муху. – Есть только такие города, как Спарта и Афины, хотя, кажется, их число значительно сократилось, – со злобным удовлетворением сказал он.

Аристид замер:

– Мы тоже верны клятве, Павсаний. Защитить страну от чужеземного царя. Мы отступили к морю, и я привел сюда восемь тысяч человек, зная, что Спарта, если дала слово, сдержит его, несмотря ни на что.

Аристид не стал продолжать. Говорить о своих страхах вслух, пожалуй, не стоило. Вожди Спарты испокон веков отличались сдержанностью во всем, что относилось к их внутренней политике и разногласиям по предмету этой политики. Насколько знал Аристид, эфоры – выборные должностные лица Спарты – уже вели, по сути, гражданскую войну. Павсаний ничего ему не скажет, и он не узнает, выступит ли спартанская армия, пока она не придет. Или пока персы не убьют последнего свободного афинянина и все не закончится.

– Я услышал тебя, Аристид, – сказал Павсаний. – И я ответил. В нужный момент мы будем там. Не раньше.

Спартанский регент сделал знак Тисамену, и прорицатель остановился. Павсаний пошел дальше. Аристид посмотрел спартанцам вслед. Их было всего лишь семеро, но он не мог ни задержать их, ни заставить выслушать его и понять. От разочарования и отчаяния его бросило в дрожь.

– Он хороший человек, – с нежностью в голосе сказал Тисамен.

Уж не любовники ли эти двое? – подумал Аристид и спросил:

– Он выведет своих людей? Сейчас только это имеет значение.

– Дома... есть трудности. Боюсь, я предал бы его доверие, обсуждая эти трудности. Нисколько не сомневаюсь, что Павсаний найдет выход. Он хочет сдержать слово, данное отцом. В этом можешь не сомневаться.

Терпение лопнуло, и Аристид резко повернулся к прорицателю:

– Кто ты на самом деле? Тисамен – не спартанское имя.

– Не спартанское, ты прав. Однако я грек. Это все, что имеет значение.

Аристид усмехнулся:

– Значит, ты не согласен с Павсанием? Он видит только Спарту – все остальные для него либо рабы, либо враги. Мы, в Афинах, видим греков – людей, у которых одни и те же боги и которые говорят на одном языке! С самым подлым спартанцем у меня больше общего, чем с персидским царем.

– Хорошо, если бы было так, – сказал Тисамен.

– Так ты умеешь предсказывать будущее? – спросил Аристид. – Тогда можешь ли ты сказать, победим мы или погибнем?

– Я не оракул, – со вздохом ответил Тисамен. – Хотя... – Он помолчал, будто решая, стоит ли продолжать, потом кивнул. – Давно, еще мальчишкой, я отправился в Дельфы – спросить пифию, что ждет меня в жизни. Она сказала, что я выиграю пять состязаний. В юности я думал, что она имела в виду Олимпийские игры – пятиборье. И я начал готовиться: бегать, прыгать, бороться, метать копье.

– Я... я помню тебя! – с растущим изумлением воскликнул Аристид. – Я был там в тот день. Клянусь Афиной, ты... ты прекрасный атлет! Но ты же не выиграл? Если только меня не подводит память.

– Не подводит. Я занял второе место после спартанца. Вся моя жизнь была посвящена этому единственному моменту, и я... проиграл. Он увидел мое смятение и, поскольку был хорошим человеком, повел меня выпить, залить горе вином. Я рассказал ему об оракуле...

Тисамен отвел взгляд, погрузившись в далекие воспоминания. Подувший с моря ветерок принес в Элевсин холодное дыхание зимы.

– В Спарте состязаниями называют сражения, ты знал об этом? Мой новый друг очень разволновался, когда услышал, что напорошила мне пифия. Он решил – и до сих пор этому верит, – что мне суждено за свою жизнь победить в пяти великих сражениях.

– Это был Павсаний? – спросил Аристид. – Спартанец, который победил?

– Именно так, – кивнул Тисамен. – Племянник военного царя Спарты. Он считает меня своего рода талисманом, верит, что я пять раз принесу ему победу. Я побывал у эфоров в Спарте, и они подтвердили это. Он вернул мне цель в жизни.

Молодой прорицатель протянул руку, схватил Аристида за предплечье и, наклонившись, заговорил тихо:

– Не суди его слишком строго, куриос. Смерть дяди изменила его жизнь точно так же, как тот день на Олимпийских играх изменил мою. К такому трудно привыкнуть, нужно время.

– Думаешь, он выполнит клятву отца?

– Он военный царь Спарты, по крайней мере, до тех пор, пока его двоюродный брат не достигнет совершеннолетия. И Павсаний хочет победить в сражении, держа меня при себе. Верь в это. Он хочет победить.

– А эти «трудности» дома, они его не остановят? – небрежно и даже с дразнящей ноткой поинтересовался Аристид.

– Павсаний – человек чести. Не сомневайся. Илоты... – Тисамен осекся и усмехнулся. – Нет, не думаю, что Павсанию понравилось бы, если бы я стал обсуждать такие вопросы с афинянином.

– Сынок, этот афинянин будет стратегом на поле боя, когда появится вражеская армия. Я видел персов. В сражении никаких различий между нами не будет. Если мы выступим как спартанцы, платейцы, афиняне, коринфяне... нас уничтожат. Если мы будем в этот день греками – людьми одной культуры, одного языка, – у нас появится шанс победить. Если ты знаешь что-то, что удерживает Спарту за стеной, то должен довериться человеку, который уже потерял все. Тисамен, мой город горит этим вечером, и о нем вся моя забота. Если тебе нужен совет, спроси. Мы на одной стороне.

Они стояли вдвоем на главной улице Элевсина. Аристид ждал, ничем не выражая своих чувств. Он сделал все, что мог. Тисамен хотел что-то сказать и посмотрел через плечо в ту сторону, где исчезли спартанцы. Воины то ли возвращались в лагерь на ночевку, то ли уже направлялись обратно к перешейку и стене, защищавшей Пелопоннес всего в одном-двух днях пути к юго-западу от Элевсина.

– В Спарте много илотов. Это рабы, хотя само слово означает «захваченные», «плененные». Такие люди, как Павсаний, почти никогда не думают о них. Илоты – те же козы или вола, они носят воду и обрабатывают поля...

– Я знаю, кто такие рабы, – нетерпеливо перебил его Аристид.

Он нервничал, опасаясь, что Павсаний пошлет человека за прорицателем. Если, конечно, это слово было применимо после услышанного.

– Не такие, как эти, – сказал Тисамен. – Рабов покупают и продают повсюду, да, за долги, для работы, иногда ради удовольствия. Илоты свое состояние наследуют. Они рождаются рабами, поколение за поколением. И находятся такие, кто этим возмущается. Они видят, как растут их дочери и сыновья, и осознают, что и те никогда не будут свободными. В них копится большой гнев. Я видел его.

– Не понимаю... – признался Аристид.

Вдалеке вспыхнуло что-то красное. Несомненно, Павсаний задался вопросом, почему его талисман до сих пор не вернулся, и послал кого-то за ним.

– Спартанская армия не любит уходить далеко от дома. Они знают, что илоты могут взбунтоваться и убить их женщин и детей. Все в Спарте живут как будто с ножом у горла! – объяснил Тисамен, не видя, что за его спиной с холма спускается спартанский стражник.

За всю свою жизнь Аристид не слышал столько о политике Спарты. Теперь он изо всех сил пытался найти правильный вопрос.

– Но они же приходили раньше! Сам царь Леонид или те две тысячи, что в предыдущем поколении помогли освободить Афины от тирана. Как это возможно, если ситуация такова, как ты ее описываешь?

– Они всегда оставляют большое войско, чтобы держать илотов в повиновении, – сказал Тисамен. – Но на этот раз... Если они пошлют всех до единого спартиатов, всех до единого периеков?... Против персидской армии понадобится каждый воин. Но кто защитит семьи спартанцев, когда илоты увидят, что хозяева ушли? Люди рискуют вернуться к пеплу и костям.

Идущий к ним гонец нахмурился, услышав столь серьезный разговор. Тисамен понял что-то по выражению лица собеседника и замолчал.

– Ответ очевиден, – сказал Аристид.

Тисамен уже повернулся уйти, но остановился и оглянулся.

– И какой же? – спросил он.

– Привести илотов с собой. Всех.

– Но... – замялся Тисамен.

– Ты прорицатель, – изрек Аристид. – Убеди Павсания.

Воин подошел ближе и остановился; на его лице ясно читалось подозрение.

– Регент Павсаний послал меня проверить, не задержали ли тебя, Тисамен, пустые разговоры, – сказал он.

Аристид, скрывая разочарование, улыбнулся:

– Приношу извинения, это я отвлек его. Вина на моем народе.

Спартанец насмешливо кивнул, повернулся и зашагал прочь. Тисамен, не оглядываясь, пошел за ним.

Глава 8

Больше выдержать Фемистокл уже не мог. Все его тело жаждало отдыха, передышки, и ничего он так не хотел, как только упасть на палубу, посмотреть в небо – и уснуть. Услышав радостные крики по ту сторону пролива, он ненадолго закрыл глаза и открыл их, когда триера накренилась, ударившись носом о какой-то тяжелый обломок. Не хватало только свалиться за борт в величайший момент своей жизни.

Он, Ксантипп и Кимон трудились без сна и отдыха, как собаки или гребцы, с первых мгновений рассвета и до заката, пока солнце не достигло запада и не зажгло небо. Разработанная и примененная ими тактика нового строя доказала свою состоятельность. По меньшей мере треть обогнувших Саламин персидских кораблей навсегда осталась в проливе. Одни горели, отравляя воздух маслянистым дымом погребального костра и шипя, когда в них врывалось холодное море. Другие, затонув, не ушли на дно, остались под поверхностью, представляя опасность для проходящих над ними кораблей, и мертвецы смотрели с них, скользя в кильватере.

Фемистокл содрогнулся. Кто-то подошел и обнял его, еще кто-то похлопал по спине, которая была вся в синяках. Он медленно опустился на колено и устало выдохнул. Ему просто нужно было дышать – вдыхать и выдыхать, наполнять себя чистым воздухом и чем-то большим, чем оцепенелая пустота.

Он думал, что с годами привык к трупам. Он и раньше убивал людей мечом и копьем. Ни один из них не значил ровным счетом ничего, потому что они пытались забрать все, чем он был, все, что у него было. Здесь, у Саламина, было проще простого – он противостоял вторжению, в то время как его жена и дочери сидели на берегу и молились! Но в тот момент, когда к нему пришла эта мысль, он заметил еще один наплыв тел, уходящих под киль и поворачивающих вниз, в глубину. К горлу подступила желчь. Он собственными глазами видел прибитых к берегу людей, волосы которых колыхались, как трава. Раненые боролись и кричали, били по воде руками, но и их в конце концов утащили на дно тяжелые доспехи.

Фемистокл поежился. Это была та единственная смерть, которой он по-настоящему боялся, – уйти в темноту, опускаясь ниже и ниже, исчезнуть без света, без могилы, без монеты для перевозчика, без слов молитвы. Мысль о такой смерти мучила его все дни в море – он уже потерял им счет. Болели колени, суставы скрипели, будто в них насыпали песок, отяжелели руки. Его огромная голова медленно опустилась. Он снова закрыл глаза, не обращая внимания на ставшие обыденными звуки. Мгновение передышки, только и всего, и он снова пойдет к ним, смеясь, поздравляя и напоминая, как выглядят афинские герои.

С закрытыми глазами он все же улыбнулся. Да, это он вернул из изгнания Ксантиппа и Аристида. Он наставлял Кимона в политике, учил сдержанности и постепенно превращал в того человека, которым он должен был стать, вместо того чтобы сделаться просто хнычущим пьяницей. Это он переиграл врага. Ксеркс разделил свой огромный флот на две половины, и греки смогли победить их по отдельности. Перс уступил выигрышную позицию по слову афинянина! Фемистокл усмехнулся. Именно это он видел в хаосе битвы. Царь, имеющий греческих союзников, считал естественным, что к нему может перейти любой грек. Величайшая сила персидских войск заключалась в том, что ни один их противник не мог довериться братьям. Ксеркс принял предложение афинянина и поверил ему, даже когда их флоты столкнулись в проливе.

В глазах защипало от соли, но Фемистокл с гордостью окинул взглядом пролив.

Команда выстроилась на палубе. Те негромкие звуки, которые он слышал, пока стоял, преклонив колени, были шарканьем ног становившихся в строй людей. Израненные, донельзя изможденные, потрепанные, они замерли по стойке смирно. Фемистокл прочистил горло – получилось что-то похожее на рык, скрывший протест изнуренного тела. Он медленно выпрямился, чувствуя себя старым львом с всклокоченной гривой. Светлые волосы склеились паклей от засохшей соли, пота и крови. Он попытался распутать их, но ничего не получилось. Пальцы по старой привычке коснулись запястий, отыскивая шнурок или кожаный ремешок, чтобы связать грязные космы.

Из всей команды осталось только восемь гоплитов. Одному стрела угодила в глаз. Другой держал оба рулевых весла. Гребцы внизу притихли. Все, на что они были способны сейчас, – это отдуваться и пялиться в пустоту. Последние дни они гребли, отдыхали и снова гребли, выполняли безумные маневры, бросали корабль вперед и совершали невозможные повороты – и все это на скудном пайке, в тесноте, чувствуя за собой дыхание смерти. Их мир был веслом, барабанным боем и криками келейста.

Он тоже выжил. Выжил, хотя и вылез из того длинного прохода от носа к корме, где было его обычное место. Келейст стоял на открытой палубе в самый разгар сражения. Теперь по его лицу текли слезы, и Фемистокл, как ни хотел, не мог придумать, что ему сказать. Он просто кивнул келейсту, схватил его сзади за шею и крепко сжал. Так отец мог бы похвалить любимого сына. Лицо мужчины сморщилось, глаза счастливо зажмурились при этом простом знаке благодарности.

Фемистокл прошел вдоль строя. У кого-то он вытер на щеке пятно от масла или крови, кого-то легонько тыкал кулаком в плечо или грудь – чтобы стояли прямее. И гоплиты улыбались в ответ вопреки боли и усталости. Он и сам не заметил, как уже беззвучно ухмылялся вместе с ними, не говоря ни слова. Никто из этой маленькой группы не смог бы объяснить, почему они улыбались, но это было то, что нужно.

Дойдя до конца строя, Фемистокл повернулся к ним и сказал:

– Для меня было честью сражаться вместе с вами. Мы все потеряли друзей, тех, кто стоял рядом. Они знают, что мы не уступили. Мы дрались – и мы победили. Они погибли не напрасно. Скажите это женщинам и детям на Саламине! Когда они спросят, как погибли их отцы, братья и сыновья, скажите им, что они ушли с честью, чтобы спасти всех нас. Что, если бы пришлось, они бы сделали это снова. Скажите им, что никогда еще мы не сражались за дело столь чистое и столь благородное. Мы положили на алтарь все, что у нас есть, – и мы по-прежнему здесь. Возблагодарим за это Посейдона, охранявшего нас, Ареса, направлявшего нашу руку, и Афины, с помощью которой мы прошли через это испытание. От имени Афины, от имени всех богов... От имени всех тех, кого больше нет с нами, благодарю вас.

Он посмотрел на них, и глаза защипало от слез. В этом не было ничего постыдного, по крайней мере для афинянина. Не в такой день.

– Я стоял на Марафоне, ребята. Я думал, что никогда больше не увижу ничего подобного и не узнаю таких храбрых людей. Но не могу сказать этого сейчас. Я видел вас. И я горжусь всеми вами.

Часть персидского флота избежала сети триер, переброшенной поперек пролива. Ксантип оставил брешь, предпочтя позволить им уйти, а не сражаться до последнего корабля и последнего воина. Фемистокл был свидетелем того, как более сотни персидских галер в последний момент просто устремились к этой бреши, чтобы выйти в открытое море и оторваться от своих мучителей. В нескольких случаях капитанов, пытавшихся протестовать, просто-напросто сбросили за борт.

Еще не остыв от горячки боя, Фемистокл уже собрался направить наперерез им небольшую группу, но в последний момент сдержался. В каждом конфликте бывает час, когда обе

стороны близки к тому, чтобы разорвать смертельные объятия. Истощение может погубить армию, независимо от того, насколько хорошо она обучена и предана делу. Фемистокл вовремя почувствовал, как близок был его народ к поражению. Теперь он спрашивал себя, не было ли его решение воздержаться от преследования еще одним моментом гениальности. Скорее всего, нет, решил он, по крайней мере в сравнении с остальным.

– А теперь приведите себя в порядок, – сказал он, переходя совсем на другой, бодрый и деловитый тон. – Мы направляемся на Саламин забрать наших людей. Постарайтесь не выглядеть так, будто мы проиграли! Возьмите ведро и вымойте палубу начисто. Пригладьте волосы. К вечеру на этот борт пожалуют посторонние люди.

Его слова вернули их к привычной суете, заставили вспомнить ту жизнь, которую они вели до появления постоянной опасности. Люди как будто медленно просыпались в радостном неверии.

Фемистокл хмыкнул. В такие моменты полезно занять мужчин делом. Повсюду корабли уже направлялись к Саламину. Над очищенным от врага проливом раздавались радостные крики. Он тряхнул головой, отгоняя новый прилив усталости, давящей тяжестью на глаза.

Только Афина знала, куда они отвезут женщин и детей. Дым продолжал подниматься над городом, и где-то там орудовала непобедимая персидская армия.

Кто-то пробежал мимо с ведром морской воды. Фемистокл остановил его, погрузил в воду обе руки, провел ладонями по гриве волос и похлопал по щекам. Холодок немного взбодрил. Корабль качнуло на волнах... Он моргнул. Гребцы! С трудом передвигая затекшие ноги, Фемистокл спустился в проход и нырнул во мрак трюма.

Здесь воняло потом и мочой, здесь расстроенный несвежей пищей и непосильным трудом кишечник опорожняли под себя. Гребцы опасно похудели. Взгляд Фемистокла повсюду отмечал огромные глаза на осунувшихся лицах. У всех под кожей проступали ребра. Однако за безмерным утомлением и изнуренностью он видел достоинство и гордость этих людей. То, чего от них требовали, было жестоко, но все они выстояли. Гребцы смотрели на него, и в их глазах поблескивал живой огонек. Фемистокл ухмыльнулся.

– Для меня было честью сражаться вместе с вами... – начал он.

Мардоний натянул поводья и спешил. Он проскакал галопом от конца марширующей колонны до начала – того места, где случилась первая остановка и где ручей пересекал местность более засушливую, чем дома. Целые полки растянулись вдоль берега, наполняя водой мехи и бочонки и утоляя жажду. Мардоний знал, что его люди предпочитают быть чистыми. Он завидовал их беззаботности, видя, как они фыркают и отдуваются, смеются и отбрасывают распушенные волосы. Дисциплина заметно ослабла, с тех пор как распространилась весть об отъезде царя. Некоторые вели себя как дети, оставшиеся без присмотра взрослых. Какие бы темные тучи ни нависали над будущим, сейчас люди испытывали что-то вроде приятного головокружения. При этой мысли Мардоний нахмурился. Самый быстрый способ вернуть войско к дисциплине – выпороть нескольких нарушителей. Но возможно, его раздражение проистекало из того же источника. Он тоже чувствовал себя брошенным, хотя радостных чувств это ощущение не вызывало. Мысли, рожденные в его уме, отдавали отступничеством.

Все изменилось, и ничего не изменилось. Мардоний говорил себе, что у него есть сильная армия. Часть войска Ксеркс отослал по суше, другую погрузил на корабли и отправился домой с сорока тысячами человек. По крайней мере, он оставил «бессмертных», пусть и в жалком состоянии. Никакие оправдания и объяснения не помогут, если Мардоний вернется без победы. Греки должны стать вассалами, иначе его жизнь – и жизнь его сыновей, дочерей и жен – развеется пеплом по ветру. Царь держал в заложниках представителей всех семей. Конечно, они были верны ему! Мардонию было о чем подумать.

Спешившись, он передал конюху поводья не глядя. В отсутствие Ксеркса слуги установили большой шатер, чтобы военачальник мог встретиться с подчиненными. Благовония, брошенные в золотые жаровни, наполняли воздух сладкими ароматами. Горшочек с мятным отваром, уже готовый к подаче, кипел на медленном огне.

Мардоний приветствовал Артабаз с подчеркнутой вежливостью и расцеловал его в обе щеки.

– Добро пожаловать, брат. Есть будешь? Я нахожу, что немного мяты и сладкий пирог снимают усталость в это время дня.

Солнце садилось, и Мардоний знал, что половина его людей еще не приготовили ужин и даже не расстелили спальные одеяла. Земля здесь была каменистая, а ночи на удивление холодными. Но по крайней мере, им не угрожала сырость.

– Ты слишком великодушен. Мне больно отказывать тебе, но приходится. У меня есть Гидарнес из «бессмертных» и Масистий, начальник конницы, и оба совершенно бесполезны. Только смотрят на меня и ждут, чтобы я направлял их, где разместить людей, где поставить повозки и животных. Иногда мне кажется, что мы с тобой – отцы для детей.

Мардоний ничего не сказал, но бровь его поползла вверх. Артабаз был толстым и маленьким, на голову ниже полководца «бессмертных» или начальника конницы персидского царя. Интересно, посмел бы Артабаз высказать такое раздражение, если бы Гидарнес или Масистий были здесь и все слышали? Скорее всего, нет.

– Мне было бы приятно, Артабаз, разделить с тобой то небольшое, что у меня есть. Я ценю твое мнение.

Конечно, все это было не более чем демонстрацией хороших манер. Первое предложение всегда отклонялось, второе принималось. Мардоний сразу заметил, что взгляд Артабаза задержался на тарелке с медовыми лепешками. Он питал слабость к лакомствам, и именно поэтому Мардоний выставил их на видное место на золотом блюде.

– Если настаиваешь, я попробую самую малость, – сказал Артабаз. – Ты оказываешь мне большую честь. Все, о чем я прошу, – это служить под твоим началом.

Через несколько мгновений оба сидели, скрестив ноги, на шелковом ковре, наслаждаясь мягкими лепешками и вином. За угощением они не позволили себе ничего, кроме хвалебных отзывов о еде. Артабаз незаметно умял на удивление много маленьких лепешек и выразил неподдельное сожаление, когда они закончились, а последние крошки сопроводил печальным вздохом.

– Когда-то я был стройным, как юноша, можешь в это поверить? – спросил он, доставая иглу из слоновой кости, чтобы почистить между зубами.

Мардоний улыбнулся, увидев, что гость расслабился, хотя и подозревал, что все это может быть игрой. Конечно, Артабазу было интересно, что он скажет.

– Я знаю, что могу доверять тебе, – произнес наконец Мардоний.

– Вне всякого сомнения, – подтвердил гость.

– Я поговорю с Гидарнесом и Масистием. Вы трое – мои самые доверенные люди наряду с моими сыновьями. Теперь я должен полагаться на вас и нести ответственность – передавать приказания каждому полку и следить за их выполнением. Мне поручено задание, Артабаз, и я должен быть уверен, что вы понимаете его важность. Любое неповиновение должно быть исключено, никакие толкования недопустимы. Это ясно?

– Конечно! – ответил Артабаз и наклонился вперед так, что рыхлый живот накрыл сложенные руки. – Я прибыл сюда, чтобы служить царскому дому Персии. В этом отношении ничего не изменилось! Только самому плохому работнику нужен надсмотрщик – следить за тем, чтобы он не спал весь день напролет. Мы знаем, что должны делать.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Мардоний. – Великий царь поставил передо мной задачу – подчинить греков. Он хочет, чтобы они стали верными вассалами персидского двора.

Легкая морщинка прорезалась между бровями Артабаза.

– Думаю, что понимаю тебя. В твоей власти уничтожить и забирать в рабство. Прикажи мне, и я, конечно, подчинюсь. Безусловно.

Мардоний на мгновение отвел взгляд. Отчасти молчание требовалось, чтобы собраться с мыслями, но также и для того, чтобы напомнить сидящему перед ним человеку, что тот теперь – исполнитель желаний полководца. Накануне Мардоний наблюдал, как греки громят персидский флот, с каждым часом действуя все увереннее и искуснее. Оглядев лежащий в руинах город, разрушенные стены и горящие улицы, он отправил своих людей произвести подсчет припасов.

Доложенный результат не обрадовал Мардония. Персидская армия провела в походе несколько месяцев, и каждого человека нужно было кормить два или три раза в день. Огромные объемы поражали воображение, но ни планирование, ни тайники с продовольствием, оставленные вдоль маршрута, не помогли – запасы были на исходе, а зима между тем приближалась.

Плохо скрытое беспокойство Мардоний ощущал и в своем ближайшем помощнике, который тоже чувствовал себя брошенным на произвол судьбы с тех пор, как Ксеркс запаниковал и не смог взять себя в руки. Гнев и злость сопровождалась словами, повторить которые вслух Мардоний никогда бы не решился. Да, их оставили на чужой земле, без запаса продуктов, с двумястами тысячами голодных воинов, которых надлежало сохранить живыми. Никто не воюет зимой! Это невозможно. Зимой мужчины обычно возвращались домой, вешали меч над дверью, ели сушеные яблоки и зерно, запасенные семьей. Армия должна была либо везти продукты с собой, либо добывать их на месте. С наступлением холодов голод и смерть угрожали любому, кому достало глупости застрять в поле. И вот теперь он оказался в таком положении, а продуктов едва хватало, чтобы прокормить людей еще месяц.

– Я собираюсь отправиться на север, – сказал Мардоний, – в область Фессалии. Это богатая равнинная земля со стадами овец и хорошими урожаями. Мне говорили, что этот край известен как житница эллинов.

Он отвернул угол ковра, на котором сидел, сгреб горсть пыли и добавил:

– Не то что здесь. Если мы останемся в Аттике, то умрем от голода еще до весны.

Артабаз переваривал услышанное, опустив голову и пряча глаза. После недолгого молчания он кивнул:

– Как скажешь, так и будет. Я повинуюсь. Великий царь поручил тебе довести дело до конца. Ты несешь ответственность.

Не была ли в этих словах скрыта колкость? Мардоний не знал. Артабаз, разумеется, задумывался и о собственном будущем – возможно, о продвижении по службе, если Мардонию не удастся добиться победы. Полководец позволил себе натянуто улыбнуться, кивнув конкуренту. Ответственность действительно лежала на нем, и он не относился к числу тех, кто боится власти. Мардоний получал удовольствие от нее и от всего, что было с этим связано. Полагаться на других всегда приятнее, чем быть тем, на кого полагаются. Эта мысль и определила его ответ.

– Я знаю, что ты будешь моей правой рукой, Артабаз, что любые приказы, которые я отдам, будут выполнены быстро и четко. Слава небесам, у меня есть такие люди, как ты, Гидарнес и Масистий. Покажите себя с лучшей стороны, и я возвеличу вас.

Для того, кто имел уши, чтобы слышать, заявление прозвучало не слишком обнадеживающе. Мардоний ясно давал понять, что возложит ответственность – или вину – на подчиненных. Так было всегда, и Артабаз не удивился. Подняв руки над головой, он покорно распластался на земле.

– Ты оказываешь мне честь, – сказал он, когда Мардоний велел ему встать. – По правде говоря, я думаю, у нас нет другого пути. В городе, который мы сожгли, ничего не осталось. Кто бы там ни жил, этой зимой они наверняка умрут с голоду. Я скажу Масистию, что мы

направляемся на равнины Фессалии. Наш начальник конницы больше думает о лошадях, чем о своих людях, так что он будет доволен.

Под полуопущенными веками промелькнуло беспокойство.

Наблюдая за сменой выражения лица гостя, Мардоний вздохнул. Каждый наделенный властью человек должен решать две задачи: умиротворять тех, кто наверху, и одновременно запугивать тех, кто внизу. Подобострастный и покорный в его присутствии, Артабаз становился жестоким тираном в отношении подчиненных. В результате на всех уровнях власти присутствовал элемент обмана, поскольку каждый начальник выбирал путь, который наилучшим образом поддерживал его статус. Тем не менее ситуация требовала ясности, и Мардоний ждал вопроса, который, как он понимал, должен был неизбежно последовать.

– Наш поход на север... – осторожно начал Артабаз, – не придется ли нам проходить вблизи земли спартанцев? Я видел карту, и, согласно ей, наш маршрут пролегает восточнее, но не настолько далеко, чтобы они не решились выйти.

Мардоний знал, что Фермопилы отравили страхом всю армию, а не только тех, кто находился непосредственно в его подчинении. Никто из персов никогда прежде не видел таких воинов, как эти безумцы в красных накидках. Одно только число убитых ими внушало ужас. При мысли о встрече с тысячами таких безумцев даже самые храбрые ощущали холодок в груди.

– По словам наших союзников-греков, спартанцы построили стену и прячутся за ней. Они не выйдут из-за нее, а если выйдут, мы сокрушим их. – Мардоний махнул рукой, привлекая внимание гостя к окружающим холмам и равнинам, занятым, насколько хватало глаз, полками персидской армии. – Мир никогда еще не видел такого войска, как это. Я не боюсь тех немногих, кого Спарта может выставить на поле битвы против них.

Это было сказано с большой уверенностью. Артабаз снова опустил голову, решив наклониться и поцеловать сандалию полководца вместо произнесения каких-либо слов.

И только когда он ушел, Мардоний спросил себя, означал ли этот жест согласие или возражение.

Глава 9

В пролив у Саламина ворвался восточный ветер. На глубоководье экипажи триер поднимали из трюма мачты и ставили паруса. Подводя галеры ближе к берегу, гребцы налегали на весла, и длинные кили прорезали борозды в песке.

На острове толпы голодных одолевало уныние. Над Афинами все еще поднимались тонкие столбы дыма, что для большинства означало потерю всего. Возвращение домой было невозможно, потому что дом исчез вместе с той жизнью, которую эти люди вели до вторжения персов. Тем не менее они поднимались на борт, теснясь на открытых палубах и с несчастным видом ожидая, когда же их увезут.

В открытом море Фемистокл созвал стратегов, подняв черный флаг. Лучшего слова для той роли, которую они играли, он не нашел. Как и на поле битвы при Марафоне, Ксантипп и Кимон умело командовали своими соединениями. Фемистокл с гордостью подумал, что ни один из них не следовал за ним в слепом повиновении. Афинское собрание воспитало людей думающих, мыслителей, а не рабов. Каждый новый месяц совет из пятисот избранных граждан начинал с торжественной клятвы: «Предлагать в соответствии с законом все, что наилучшим образом способствует интересам народа Афин».

Две галеры подошли к третьей, канаты стянули их вместе. Ксантипп и Кимон перешли на триеру Фемистокла, который вместо поздравлений наткнулся на настороженность и подозрительность. Подавив зевок, он услышал, как хрустнула челюсть. Как же много нужно сделать!

Еще одна триера подошла ближе, и гребцы с обеих сторон подняли весла. Фемистокл не удивился, увидев Эврибиада из Спарты, и жестом пригласил его. Наварх шагнул на галеру

Кимона, используя ее как мост. Он шел с изящной точностью, хотя корабли поднимались и опускались на волнах и терлись друг о друга бортами. Фемистокл отметил про себя эту четкость движений спартанцев. Как же они раздражали его!

Кимон и Ксантипп еще приветствовали военачальника, когда Фемистокл увидел других. С десяток кораблей коринфян, мегарцев, эгинцев направлялись к образовавшейся флотилии. Некоторые шли с креном, набирая по пути воду. Совещания всех союзников Фемистокл не ожидал. Он вызвал вождей Афин, но, похоже, допустил оплошность. Все, кто подтягивался сюда, сражались вместе с общим врагом. Они перевозили афинских женщин и детей и рисковали всем в эти последние дни изнеможения и боли. Фемистокл кивнул – как самому себе, так и Ксантиппу и Кимону. Да, его народом в первую очередь были афиняне, но если уж держаться правды, то все они были греками. Однако он слишком устал, чтобы принимать так много людей, быть маслом, смягчающим разногласия, и солью, придающей вкус! Он подумал, что, возможно, никогда уже не получит удовольствия от соли – так много проглотил ее за предыдущие дни. Соль не только въелась в его кожу – она покрывала палубу и обводы весел, как зимняя наледь. Всех поднимающихся на борт Фемистокл встречал приклеенной улыбкой, на каждую протянутую руку отвечал крепким пожатием.

– Я благодарю Афины и Посейдона – и всех вас, – сказал он, ведь, в конце концов, они прибыли на его корабль; он был здесь хозяином, а раз так, то пусть послушают его. – Мы хорошо сражались вместе, и те, кто был здесь, навсегда запомнят, как мы победили. Построение, тактика копья. Я должен поблагодарить Ксантиппа – человека, которого я призвал домой, потому что считал, что он нам нужен.

По лицу Ксантиппа скользнула тень недовольства, но Фемистокл оставил это без внимания и продолжил:

– Я воздаю должное коринфянам, которые дрались, как волки, и не уступили врагу. Я воздаю должное триерархам Спарты, потерявшим половину кораблей в жестоких боях и все же не дрогнувшим.

Эврибиад склонил голову, его губы шевелились в безмолвной молитве.

Фемистокл выдержал паузу. Настало время для политики, для тонкого убеждения и давления. Настоящий лидер назвал бы каждого военачальника, все флоты. Он перечислил бы все их победы и отметил заслуги каждого. Но будь он проклят, если станет делать это сейчас.

– Я послал два письма персидскому царю, – объявил Фемистокл.

Эврибиад даже моргнул – столь внезапно сменилась тема. Он тоже знал ритуалы после битвы.

Фемистокл обвел взглядом хмурые лица. Все такие серьезные!

– Первое ушло с сыном плотника. Я попросил Ксеркса послать половину его флота вокруг Саламина. Я сказал ему, что мы сдадимся, если он это сделает, и что мы не сможем защитить пролив с двух сторон. В результате он разделил свой флот. Действуя по моему указанию, он разбил его на две половины, которые мы смогли уничтожить по отдельности. Победить один большой флот мы были не в состоянии. Это решение спасло нас всех, но и тогда Афины горели, а будущее Греции висело на волоске. Прошлой ночью я отправил второе письмо, в котором сообщил, что некоторые из моих самых воинственных капитанов вознамерились вернуться к знаменитому корабельному мосту, чтобы уничтожить его. Спеша предотвратить нападение, Ксеркс ночью улизнул, прихватив с собой еще сотню кораблей! Так что, когда будете пить за нашу победу, обязательно поднимите чашу за удачу – и за афинскую хитрость. Или – почему бы и нет? – за Фемистокла!

Последнее он произнес, подняв руку, как будто сам произносил тост. Спартанский наварх моргнул, но предложенный тост повторять не стал. Зато Кимон рассмеялся и слегка откинулся назад, как будто его обдуло ветром.

– За Фемистокла! – поддержал он, и тот склонил голову в знак благодарности.

Ксантипп хмуро посмотрел на обоих и сказал:

– Я пришел сюда не для того, чтобы возносить или выслушивать хвалу. Возможно, это ускользнуло от вашего внимания, но беженцы уже поднимаются на борт наших кораблей. У нас должен быть пункт назначения! У моих экипажей не осталось ни воды, ни еды. Они отчаянно нуждаются и в том, и в другом. Я пришел сюда узнать, есть ли у кого-нибудь запасы, которыми вы могли бы поделиться, в частности пресной водой. Я пришел спросить, не знает ли кто-нибудь безопасного места, куда мы могли бы отвезти женщин и детей, прежде чем гребцы упадут в обморок. Даже если Фемистокл прав... – Он сделал паузу, чтобы свирепо взглянуть на соотечественника, который все еще стоял, вскинув бровь, как будто удивленный тем, что его прервали. – Если он прав насчет персидского царя, то их армия до сих пор в Аттике. Я предполагаю, что они ушли, когда подожгли город, но будет ли безопасно высадиться в Пирее? Мне бы не хотелось, победив в войне на море, отдать наших людей в их руки.

Ксантипп говорил тихо и серьезно. Нескольких его фраз оказалось достаточно, чтобы победное ликование сменилось угрюмой сосредоточенностью мужчин, увидевших новую цель. Хотя в словах стратега был смысл, Фемистокл поймал себя на том, что никогда еще этот человек не вызывал у него большей антипатии.

– Я пришел попрощаться, – внезапно заявил спартанец Эврибиад. – Как ты и сказал, половина из моих шестнадцати кораблей потоплена, экипажи погибли. Теперь мой долг – вернуться на Пелопоннес, сообщить эту новость и встать в дозор у побережья.

– И вызвать армию Спарты, – добавил Ксантипп.

Наварху послышалась критика в его тоне, и, возможно, он не ошибся.

– Это решать регенту и эфорам, – ответил Эврибиад. – Поосторожнее, афинянин. Мой народ уже отдал царя Леонида и половину спартанского флота. Не смей подвергать сомнению нашу клятву.

За спиной у Ксантиппа, через пролив, лежали Афины, где в небо поднимался дым. Это был уже не столб сажи и огня, который они видели всю прошлую ночь, а тонкие, почти невидимые нити. Но спартанец понимал, что не может победить, сравнивая потери или обязательства.

Вместо этого Эврибиад повернулся к Фемистоклу и сказал:

– Я говорю, что навещу тебя, когда все закончится.

– Ничего еще не закончилось, – пожал плечами Фемистокл. – Но если хочешь, я встречу с тобой. На площадке для кулачного боя Академии на Илиссе, если, конечно, там осталось что-то, кроме пепла. Назначь день, и я приду.

К удивлению остальных стратегов, спартанец усмехнулся:

– Я просто хотел напомнить. Сейчас неподходящее время. Мое любимое оружие – меч и щит. Когда все закончится, я приду.

Фемистокл ощутил, как внутри полыхнул гнев, и усталость отступила.

– На твоём месте я бы привел с собой друзей, – ошетинился он. – Одного будет мало.

– Мне не нужны друзья...

– Что, у тебя их нет?

Спартанец побагровел, и тогда Ксантипп обратился к обоим:

– Позвольте вмешаться и напомнить, что мы еще не разобрались с нашими настоящими проблемами. Наварх Эврибиад, я бы попросил тебя одолжить нам свои корабли еще на один день, чтобы помочь перевезти женщин и детей.

– Нет, Ксантипп, – ответил спартанец, продолжая обжигать Фемистокла свирепым взглядом. – Долг зовет меня домой.

Лицо его потемнело. Он понял, что ответил слишком резко, и добавил:

– Я знаю тебя как благородного человека, Ксантипп Афинский. Мои капитаны хорошо отзываются о тебе и твоём руководстве. Прими мою благодарность.

Обращаясь исключительно к Ксантиппу, спартанец умышленно избегал упоминать Фемистокла.

– У тебя не было бы никаких капитанов, если бы не я, – сказал Фемистокл. – Может быть, тебе бы стоило преклонить колено и поблагодарить Афины.

– Хватит! – рявкнул Ксантипп, удивив их обоих прежде, чем Эврибиад успел ответить. – Если не можешь вести себя вежливо с союзниками, зачем ты позвал нас сюда? Наварх Эврибиад понимает, что поставлено на карту. Спартанцы выйдут. Аристид присоединит к ним наших гоплитов! Мы знаем врага – и мы не можем победить эту армию в одиночку, как не смогли бы победить в одиночку их флот. Сейчас не время для мелкого соперничества.

– Ты прав, Ксантипп, конечно, – сухо сказал Фемистокл. – Очень хорошо. Ступай, наварх Эврибиад. И благодарю тебя.

Титул «наварх» Фемистокл использовал как тонкое оскорбление, ведь все командование он взял на себя и отодвинул спартанца в сторону. Краска залила лицо Эврибиада до самой шеи.

– Еще одно слово, Фемистокл, – предупредил Ксантипп, – и я подам на тебя в суд перед собранием.

Он почувствовал холодный взгляд Кимона, но отступать не стал. Точно так Ксантипп добился осуждения отца Кимона, поэтому предупреждение не было пустой угрозой, и Фемистокл с изумлением повернулся к нему. Но сейчас именно Фемистокл – в силу своей опрометчивости, из-за усталости или голода – подвергал опасности их всех. Каждому предстояло пойти своим путем – отдохнуть, поесть, выпить и снова отдохнуть. Будет ли у кого-то из них такая возможность – этого Ксантипп не знал.

Фемистокл не ответил на эту угрозу, и спартанец кивнул Ксантиппу.

Эврибиад хотел поддержать человека, который смог заставить Фемистокла замолчать.

– Я подожду еще один день, Ксантипп, – сказал он. – И одолжу корабли для того дела, о котором ты говоришь. Но куда вы доставите своих людей?

Ксантипп посмотрел на Саламин. На побережье за ним находился Элевсин, где Аристид устроил лагерь афинских гоплитов. Но пока персидская армия оставалась в Греции, этот приморский город был так же уязвим, как и любое другое место Аттики. Ксантипп чувствовал, как мысли с трудом пробиваются сквозь пелену усталости.

Первым молчание нарушил коринфский стратег:

– Думаю, пока персы здесь, по-настоящему безопасного места нет нигде. Они могут напасть на любой город и разрушить его так же основательно, как Афины. Пока они не сломлены или не обращены в бегство, убежища нет и не будет.

В его словах была правда, но такая безрадостная, что снова возникла пауза.

– Ваши люди могли бы перебраться на Пелопоннес, – с неохотой заговорил Эврибиад. – Стена на перешейке защищает Коринф и Спарту. Беженцы отдохнули бы там и окрепли.

«Беженцы». При этом слове Фемистокл и Ксантипп вздрогнули. Предложение спрятаться за стеной само по себе звучало довольно скверно, но оказаться должником Спарты было еще хуже.

– Благодарю тебя, наварх, – бесстрастно сказал Ксантипп, и из его уст звание Эврибиада прозвучало без той иронии, которую вкладывал Фемистокл. – Однако, прежде чем мы примем решение, я пошлю людей в Афины, чтобы убедиться, что там не осталось персов.

– Их там нет, если только они не научились дышать пламенем, – пробормотал Фемистокл.

Глаза у него потускнели, последние остатки энергии быстро выгорали, чему Ксантипп был только рад. Спартанец вполне мог обнажить оружие против того, кто открыто насмеялся над ним. И конечно, афинская команда не стерпела бы, если бы чужак напал на их героя. Вот тогда все стало бы совсем плохо.

– Мои люди говорят, что персы разрушили стены Афин, – сказал Эврибиад.

– У вас в Спарте нет стен, – горько улыбнувшись, ответил Ксантипп.

– Э нет. Мы сами стены... – Эврибиад замолчал, поняв, на что намекает Ксантипп.

– Наши стены – корабли, – напомнил Фемистокл. – Если персы будут угрожать Афинам, мы можем укрыться за этими деревянными стенами! Мы делали это раньше. Непохоже, что у них есть теперь собственный флот.

Свежая идея добавила ему бодрости. Про себя Ксантипп сравнил его с догорающим фитилем на последних каплях масла, время от времени вспыхивающим и на мгновение возвращающимся к жизни.

Ксантипп кивнул. Возможно, потому, что Фемистокл едва держался на ногах от усталости, все смотрели теперь на стратега, ожидая, что именно Ксантипп и примет решение. Есть люди, которым властность присуща от природы, она у них в крови. Другим это дается с родословной. Авторитет третьих базируется на упорном труде, возрасте и опыте, но еще и благодаря тому, что, когда это было важно, они оказывались правы в несколько раз чаще, чем ошибались. Так или иначе, сейчас все смотрели на Ксантиппа.

– Мы доставим народ домой, – сказал он. – Как только я проверю, что город в безопасности, корабли должны вернуть афинян в Пирей. Город – это не стены и даже не храмы. Город – в спасенных нами жизнях. Мы всё восстановим, и у нас еще есть корабли, чтобы забрать людей, если персы вернуться. Я не забуду того, что вы сделали... все вы.

Он не только тепло попрощался с каждым, но даже подтащил Фемистокла на два шага, чтобы они с Эврибиадом еще раз пожали друг другу руки. Правда, дружеским это рукопожатие не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.